

оси

Л 30.

РЗ/301.

Вилис Лацис

БОРЬБА

ГОСЛИТИЗДАТ
1943

ТА
СССР

ВИЛИС ЛАЦИС

БОРЬБА

РАССКАЗЫ

Перевод с латышского

О Г И З

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1943

31301.

ВИЛИС ЛАЦИС

На первых порах своей творческой деятельности Вилис Лацис приобрел славу латышского Джека Лондона. Свежестью и новизной повеяло от рассказов молодого писателя. Не в пример многим своим сверстникам, чьи герои или всю жизнь готовятся к какой-то деятельности, или же вовсе от нее отказываются, он стал изображать характеры твердые, волевые. Суровый быт моряков и рыбаков, напряженная неустанная борьба смелых, сильных телом и духом людей с природой, с жизненными невзгодами — вот основная тема творчества Лациса. С ней он вступил в литературу, и ей он остался верен до последнего времени.

Даже в биографии Лациса многое напоминает жизненный путь великого американского писателя. Он родился в семье рыбака¹, впоследствии сам стал рыбаком, а потом моряком и грузчиком в порту. Уже начав писать и печататься, он не оставляет этой профессии. Первая часть лучшего его романа «Сын рыбака» написана в свободные часы после дневной работы в порту.

Однако аналогия эта, такая естественная на первый взгляд, оказывается несостоятельной при более внимательном рассмотрении творчества Лациса. Ни любования сильной личностью, ни преклонения перед физической мощью героев у Лациса не найти. В своих героях он видит прежде всего борцов против общественного строя Латвии, Латвии досоветского периода. Он безжалостно разоблачает лицемерную мораль этого общества, жадность и жестокость, определяющие отношения между людьми, он заставляет своих героев бороться против этого строя, во имя справедливости, во имя прав широких народных масс.

Поэтому-то латышский народ сразу увидел в Лацисе своего художника, и он быстро стал одним из самых любимых его писателей. Книгами его зачитывалась вся страна. Так, например, роман «Сын рыбака» в течение двух

¹ В рыбацком поселке Вицмильграв, в 1904 г.

только лет выдержал пять изданий. Даже враждебно относившиеся к писателю издатели вынуждены были признать талант Лациса и печатали его книги одну за другой.

Связь Лациса с народом заставляла писателя все глубже вдумываться в судьбы Латвии, искать верных путей ее расцвета, и это привело его в ряды коммунистической партии. Когда же в 1940 году Латвия вступила в Союз Советских Социалистических Республик, Вилис Лацис, как лучший, достойнейший сын латышского народа, был выдвинут на пост председателя Совета народных комиссаров Латвийской ССР. Избрание Лациса на этот пост как бы символизировало победу, одержанную героями его книг над реакционными силами страны.

Стать писателем, выразителем сокровенных чаяний и надежд своего народа — великое счастье; еще большее счастье — осуществлять затем эти надежды, претворять их в живую действительность. Это счастье выпало Лацису, как и другим талантливым передовым людям его родины, ставшей советской республикой.

С первых дней великой отечественной войны Лацис проявил себя как мужественный борец за освобождение родной Латвии, временно оккупированной фашистскими полчищами, за победу Советского Союза. Он выступает как агитатор и пропагандист, в своих статьях и воззваниях призывая народ к расправе над вековыми его врагами — немецкими захватчиками и угнетателями.

Прежние любимые герои Лациса действуют и в последних его произведениях. Но сейчас все их силы, упорство, воля направлены на достижение единственной и общей цели: очистить, освободить родину от ненавистных поработителей. Один из героев его замечательной повести «Кузнецы будущего», шестнадцатилетний юноша, пешком за семьсот километров добирается до латышской стрелковой части, обороняющей подступы к Москве. Защитить Москву, столицу Советского Союза, значит бороться за освобождение «старой, седой Риги», древней столицы Латвии. Так думает и чувствует этот мальчик-латыш вместе со всем своим народом.

И сейчас уже можно с уверенностью сказать, что произведения Лациса, отображающие эпоху отечественной войны, и для будущих поколений останутся как живой, яркий документ, свидетельствующий о величии мужественной, свободолюбивой души латышского народа.

ПРОИСШЕСТВИЕ НА МОРЕ

Когда Дуксис предупредил Ингу Мурниэка о том, что на завтра ему предстоит отвезти в город груз копченой рыбы, последний ответил на это молчанием. Да и не было смысла возражать. Разве кто в поселке осмелился бы отказаться, если подобное предложение исходило от Дуксиса? Попробуй — откажись, сейчас же донесет немцам. Ведь в доме Дуксиса, бывшего трактирщика, спекулировавшего лесом, жил фельдфебель Флоберг со своей вооруженной шайкой. Оттуда исходили все распоряжения, там решались судьбы рыбаков. И поэтому все приказания Дуксиса выполнялись беспрекословно.

— В котором часу выйдем в море? — спросил Инга.

— Время укажет фельдфебель Флоберг, — ответил Дуксис.

С синевато-багровой распаренной физиономии трактирщика, выдававшей пристрастие его к крепким напиткам, никогда не сходило сонное выражение. Он постоянно зевал, а попав в теплое помещение, сейчас же начинал тереть глаза, чтобы не задремать.

С приходом немцев Дуксис перестал ходить щеголем; он предусмотрительно припрятал широкое золотое обручальное кольцо и часовую цепочку с брелочками: он прекрасно знал, что фрицы неравнодушны к подобным вещичкам. Увидят и спра-

шивать не станут, хоть это их же ставленник Дуксис. О простых рыбаках нечего и говорить. Отдавай без лишних разговоров — фюреру все пригодится...

— Надо же мне знать, когда мотор разогревать, — проворчал Инга, — прикажет в последнюю минуту, а потом я и окажусь виноватым.

— Тебя разбудит солдат, — пояснил Дуксис, — скажу, чтобы он сделал это заблаговременно. Да и малышу придется ехать. Мы возьмем на буксир лодку с рыбой. Все, что наготовили за это время, надо свезти. Вот малыш и будет управлять лодкой. Погода обещает быть ясной и тихой. Так-то вот...

Словно хозяин, отдавший приказания батракам, ничуть не сомневаясь в том, что его распоряжения будут беспрекословно выполнены, Дуксис самодовольно щелкнул языком и удалился. Он с минуту задержался возле отца Инги, старого Мурниэка, который с помощью стамески обрабатывал новое весло. О чем они беседовали, Инга не слышал. Да это его и не занимало, у него в голове было другое. Как хорошо, что посторонние не могут разгадать его мыслей. Да, если бы люди знали...

Инга угрюмо усмехнулся. Обождая за сараем для спасательных лодок пока не ушел Дуксис, Инга подошел к отцу.

— Я пройду к взморью, — сказал он. — Когда вернется Эвалд, передай ему, что завтра поедем в город.

— Об этом мне Дуксис уже говорил, — пробурчал старый Мурниэк, не отрываясь от работы.

Седой, сгорбленный, с обгрызенной трубкой в зубах, копошился он возле клетки — тихий и смиренный. Всю свою долгую жизнь он провел в суровом, сопряженном с опасностями труде, вырастил

двух сыновей и дочь. Среди белых песков, за дюнами, виднелся покрытый мхом серенький домик. В бухте качалась на якоре старая моторная лодка, на жердях по берегу развешены были для просушки сети и неводы. Это и было все его имущество, все, что накопил он за долгую трудовую жизнь. Скромная, нетребовательная была эта жизнь. Соленая морская вода и ветер, солнце и песок. Три раза в году всей семьей посещали церковь. После удачного лова — бутылка водки. Заблаговременно закрепленный уголок на кладбище, возле могилы отца и рано умершей жены. Весь мир сосредоточился для старика в нескольких квадратных метрах земли.

Необычайная тяжесть давила сердце Инги. Он потрянул головой и, не сказав больше ни слова, направился к дюнам. Однако, дойдя до леса, он не сразу пошел к взморью, где лежали насквозь пропитанные соленой влагой рыбацьи лодки и развевались на ветру просохшие сети. Через покрытый мхом холм Инга зашагал к мысу, уходившему далеко на запад, туда, где полоса дюн глубоко врезалась в побережье.

То была неприветливая пустынная местность. Белые пески застыли здесь, словно могучие волны, выброшенные далеко на берег западными ветрами. Поросшая высокими соснами цепь прибрежных дюн правильным полукругом опоясала эту маленькую пустыню. Инга остановился возле старой ветвистой сосны. Искалеченное, истерзанное морским ветром дуплистое дерево стояло особняком на самой вершине дюны, и его кривой, узловатый, покрытый наростами ствол напоминал натруженное тело старого рабочего. Внизу, у его подножья, в бурой дымке лежало спокойное серое море. В одном месте, у самой воды, на песке виднелось множество белых пятен. То были стаи от-

дыхавших здесь чаек. Дальше вокруг кучи каких-то черных предметов двигались темные точки.

Там была рыбацья пристань, там суетились рыбаки и расхаживал немецкий солдат с винтовкой и биноклем. Несколько рыбацких лодок возвращались домой из открытого моря. И хотя лодки были еще далеко, все же Инга отлично видел за несколько километров, как поднимались весла, как гребцы откидывались при каждом взмахе весла. «Минут через двадцать лодки пристанут к берегу, — подумал про себя Инга. — Немец подойдет к ним, будет влезать в каждую лодку и обнюхивать все уголки, зэ-лянет под палубу, в трюм, обшарит карманы рыбаков — не спрятана ли где-нибудь рыбешка...»

— Проклятые... — заскрежетал зубами Инга. — Заморыши жадные... Последнюю рыбу косточку норовят отобрать, все глотают... Взвешивают улов до последнего грамма, как в аптеке, расплачиваются же ничего не стоящими бумажками — какими-то оккупационными марками. По всему побережью разносится дым от рыбокоптилен, — приятный запах копченой камбалы, килек, салаки. И все это богатство попадает в руки врагов, изголодавшихся гитлеровских трутней. Ты рыбачишь, радуешься — а есть-то будут другие. Ты можешь умирать с голоду, но для них это сушие пустышки: ведь ты не человек, а только раб.

Неохотно оторвал Инга взгляд от любимого моря и побережья. Медленно, осторожно, словно боясь раздавить что-то, Инга бережно опустился на землю в нескольких шагах от старой сосны. Выражение боли и нежности легло на его лицо. Он ласково гладил рукой холодный песок и тихо шептал слова, полные любви.

«Я пришел, дорогая... ты слышишь?.. Я здесь. Прости меня, я еще ничего не сделал, еще нет. Но

я сделаю это, быть может, завтра же сделаю. Ты будешь отомщена. Это случится уже завтра... если они поедут со мною. Твой Инга ничего не забыл и не забудет... Он не будет знать покоя ни днем, ни ночью, пока не исполнит этого, надо только немного обождать, чуточку потерпеть, дорогая...»

Здесь, среди белых песков, под сенью старой сосны, похоронена Айна... маленькая, солнечная Айна Сниедзе. Об этом до сегодняшнего дня еще не знает ни один человек: ни родители Аины, ни Дуксис, ни фельдфебель Флоберг. И не узнают до тех пор, пока не будет уничтожен на родной земле последний немецкий оккупант-грабитель. Тогда лишь можно будет сказать обо всем, обнести могилу оградой и поставить знак памяти о ней. До тех пор она должна лежать в одиночестве, и только он, Инга, будет иногда в вечерний час навещать ее, рассказывать о жизни, о людях, о великой борьбе.

Раньше они приходили сюда вдвоем, скрывая от любопытных глаз свою большую дружбу. Здесь, в дюнах, в теплые летние ночи сидели они на мягком песке, прислушиваясь к отдаленному плеску волн и наблюдая за отражением звезд в море. Здесь вдвоем они лелеяли свою великую и чистую мечту о будущем, о далеком, прекрасном пути. Иногда он уезжал через просторы вод в чужие страны, к далеким островам. И после каждой такой поездки он приносил ей на память какую-нибудь вещичку — шелковый платочек, коробку из ракушек, коралловое ожерелье, виды далеких стран, городов. Но нынешним летом Инга Мурниек покинул корабль, чтобы остаться на суше и начать новую жизнь вместе со своей Аиной.

За несколько дней до начала войны она заболела воспалением легких. Когда передовые части фашистской орды стали приближаться к их ры-

бачьему поселку, Айна все еще лежала больная. У Инги нехватало сил и решимости уйти вместе с товарищами. Он надеялся, что его Айна поправится и тогда они вдвоем вырвутся из-под власти врага. Вот почему Инга Мурник остался на месте, покорно гнул свою упрямую рабочую спину под ярмом чужеземных захватчиков.

Во второй половине июля в поселке обосновался фельдфебель. Его считали как бы заместителем коменданта на этом участке побережья, растянувшимся на двенадцать километров. Без его разрешения ни одна рыбацья лодка не могла уйти в море, и под его надзором распределялся улов.

Трактирщик Дуксис, который с момента прихода немцев не знал, чем и услужить им, сразу же сделался доверенным лицом фельдфебеля Флоберга. По указке Дуксиса составлялись черные списки советских работников, коммунистов и подозрительных в политическом отношении людей. За две недели в волости расстреляли и повесили шестьдесят человек. Пятьдесят человек загнали в концентрационный лагерь.

Брат Аины Сниедзе, который недавно был избран в члены волисполкома, ушел вместе с частями Красной Армии, и фельдфебель Флоберг долго допрашивал стариков Сниедзе и Аину. Однажды в субботу Аину увели в трактир Дуксиса. Батрачка трактирщика Лизе Арайс услышала через стену, как пьяный фельдфебель приставал к Аине, грозил ей концентрационным лагерем. Ни угрозы, ни ласки не действовали на Аину, она вырывалась, умоляла оставить ее в покое и плакала. Тогда немец взял ее силой.

На другое утро тело Аины Сниедзе висело на суку сосны у самой дороги. На грудь ей прикрепили дощечку с надписью: «За сопротивление руководству немецкой армии!» Мертвое тело запре-

тили снимать и хоронить. Фельдфебелю Флобергу хотелось, чтобы все проезжие и прохожие передавали о виденном в других поселках и волостях, внушая страх перед немецкими оккупационными властями.

Точно пойманный и запертый в клетку зверь, метался все эти дни Инга Мурниек. Он никому не говорил о своей муке, о своей ненависти к врагам и жажде мщения, — свои чувства он скрыл под маской покорности и простодушия, но участь, ожидавшая фельдфебеля Флоберга, была predetermined им, Ингой.

В темную и дождливую ночь Инга Мурниек снял с дерева тело любимой девушки и перенес ее к дюнам. Он завернул его в парусину и зарыл под той самой сосной, где они с Айной часто сидели летними ночами.

Фельдфебель Флоберг долго кричал, угрожая кому-то, но в конце концов унялся и постепенно забыл об этом происшествии. А Инга Мурниек по ночам тайком пробирается к дюнам. Вместо цветов или зелени, он приносит сюда лишь свою немую боль и бесконечное терпение человека, жаждущего мщения и не забывающего о нем ни на минуту.

Долго сидел Инга в раздумьи, его глаза горели ненавистью. Он нежно гладил сыпучий песок на могиле.

«Да, это будет расплата за все страдания и муки Айны, моих товарищей и друзей. Это только начало расплаты: я начну, а другие продолжат святое дело мести и закончат его».

В ветвях сосен шелестел ветер.

Вместо немецкого солдата, Дуксис сам явился к Мурниекам и предупредил их, что через час надо отправляться в путь.

Когда Инга со своим младшим братом, шестнадцатилетним Эвалдом, вышли к взморью, было еще темно. Рабочие погрузили ящики с рыбою в моторку и во вторую лодку. Инга принялся разогревать мотор.

— Ты, братишка, оденься потеплее,—сказал он Эвалду. — В открытом море будет свежо. А то замерзнешь, как таракан-прусак.

— Стану я пугаться какого-то ветерка, — отозвался Эвалд со свойственной ему мальчишеской самонадеянностью.

— Еще подует покрепче, — тихо промолвил Инга. Когда же Эвалд перегнулся через люк кабины, посмотреть, как идет дело с разогревом мотора, старший брат наклонился к его уху и быстро зашептал: — Надень на себя пробковую жилетку, но сделай все это так, чтобы ни одна живая душа не заметила. Понятно?

— Ты думаешь, непогода разыграется?

— Погода—непогода, не в этом дело. Главное, надень спасательную жилетку. Иногда и в тихую погоду приходится нырять.

Они переглянулись. Потом Эвалд заносчиво и победно усмехнулся, кивнул головой в знак того, что он все понял, и отправился за вещами.

Дуксис оделся так, словно тоже собирался ехать: на ногах дорожные сапоги с длинными голенищами, поверх вязаной шерстяной фуфайки был еще стеганный ватник. Погрузка уже близилась к концу, когда трактирщик послал одного из постовых солдат за фельдфебелем.

Ни один мускул не дрогнул в лице Инги, когда явился фельдфебель Флоберг. Они с Дуксисом укрылись от ветра между кабиной мотора и ящиками с рыбою. Один солдат с винтовкой расположился рядом с Ингой, другой влез во вторую лодку к Эвалду.

Медленно и осторожно провел Инга лодки через первую полосу отмелей и тогда уже запустил мотор. Навстречу им с открытого моря катились гладкие волны. Инга зорко вглядывался в серый утренний сумрак. Там за мысом — он ясно видел это — разбивались гребни волн. Над морем по направлению к берегу неслись низкие голубовато-серые тучи. С застывшим, непроницаемым лицом наблюдал молодой рыбак за морским простором, и его пальцы твердо держали рукоятку штурвала. Лодка послушно отзывалась на малейшее движение его руки. Отличная, старая моторная лодка... Пять лет они бились с долгами, пока не рассчитались с лодочным мастером и фирмой за мотор. А вот сейчас нашлись другие хозяева. Хорошо еще, что хоть изредка Инге позволяли водить в море его собственную лодку. В эти минуты ему казалось, что он снова становился ее хозяином.

Эвалд отлично управлял шедшей на буксире лодкой, хотя изредка волны и перекатывались через борт. Оглянувшись, Инга увидел, как немецкий солдат вытирал лицо. Ничего — утирайся, утирайся, Море это тебе не помещение комендантуры...

У фельдфебеля Флоберга, очевидно, из головы еще не выветрился вчерашний хмель. Он вытащил из кармана шинели заготовленную бутылку водки, хватил из нее изрядный глоток, потом передал бутылку Дуксису. На закуску тут же из ящика взяли по копчушке. После второго глотка Флоберг кивком головы указал на Ингу.

— Инга! — позвал Дуксис, стараясь перекрыть шум мотора. — Господин фельдфебель предлагает тебе хлебнуть разок. Сразу станет теплее.

Подбадривая Ингу, Флоберг почти по-приятельски подмигнул ему. Инга в ответ покорно заулы-

бался, приложил свободную руку к сердцу и промолвил:

— Данке, данке¹, герр Флоберг...

У него дрожали руки, и немец подумал, что это просто от жадности. Он что-то шепнул Дуксису, и пока Инга пил, оба глядели на него и громко смеялись. Инга вернул им бутылку и снова превратился в застывшую, словно примерзшую к мотору статую с безжизненным лицом, обращенным к морю. Рядом с ним в своей тонкой шинелишке поживался от ветра солдат. Иногда он взглядывал на пьющих и облизывался. Но никто ему водки не предложил.

А лодки неслись с волны на волну, кренились то на один, то на другой борт, по временам их подхватывала большая волна и качала на своем гребне. Они миновали мыс и держались теперь прибрежной протоки, километрах в трех от берега.

Заметив, что у берега море гораздо спокойнее, Флоберг спросил Ингу, почему он не держится ближе к земле.

— Там подводные камни...—пояснил ему Инга.

— Ах, так... тогда ничего не поделаешь...

Но Инга теперь уже не отрывал взгляда от видневшейся впереди и стоявшей особняком огромной сосны. Когда между носом лодки и далекой сосной показался небольшой, поросший кустарником бугорок, Инга немного повернул руль управления вправо, и моторка пошла наискосок к берегу. Взгляд Инги неуклонно выслеживал среди белых пенистых гребней какую-то одну огромную постоянную волну. Каждый раз, когда к намеченной им точке приближалась волна, она как бы разламывалась надвое, потом с ревом распадалась

---

¹ Данке (нем.) — спасибо.

и затихала. Там, на расстоянии трех километров от берега, со дна моря поднималась гигантская каменная гряда с острыми ребрами, своей вершиной почти достигавшая поверхности воды. На этом месте не раз терпели аварию неопытные и зазевавшиеся моряки. Занесенные песком, лежали здесь на дне остовы многих и многих парусников.

Фельдфебель старательно закупорил опустевшую бутылку и спрятал ее в карман. Продрогший солдат забрался в кабину, чтобы посидеть возле разогревшегося мотора. Инга, оглянувшись назад, встретил вопрошающий и озабоченный взгляд младшего брата. Он мягко улыбнулся ему, подмигнул многозначительно, потом направил лодку наперерез волнам, прямо на подводную гряду. На полную мощность гудел и бился мотор, но еще быстрее понес обе лодки морской вал. Сидевшим в лодке казалось, что чья-то огромная рука влекла их через водный простор. Быстрота опьяняла, от нее кружилась голова.

В тот миг, когда морской вал с сокрушающей, дикою силой обрушился на подводную скалу, Инга выхватил железную рукоятку штурвала и изо всей силы нанес рычагом удар по голове Флобергу. По правде сказать, можно было обойтись и без этого — фельдфебель все равно уже не мог спастись, но сердце не выдержало. Затаенная ненависть теперь потребовала действия, разрядки.

Инга увидел кровь своего врага, его размозженную голову, его дряблое сползшее безжизненное тело. Затем страшный удар из глубины моря расколол днище, и тяжелая лодка мгновенно исчезла в пучине. Но еще раньше Инга успел выпрыгнуть из нее.

Когда его голова показалась над водой, рядом качались на волнах обломки лодки, несколько весел и порожние ящики из-под рыбы. Над самой

подводной скалой покачивалась наполненная до краев водою буксирная лодка. В ее борта вцепились Эвалд и фашистский солдат.

Инга подхватил одно из весел и подплыл к обломкам лодки.

— Держись, малыш! — крикнул он брату.

— Проклятый немец хватается за меня, — отозвался Эвалд.

Инга обогнул камень и очутился позади немца. И как ни цеплялся тот за одежду Эвалда, Инге удалось оторвать его от брата. Немец пошел ко дну. И остальные все потонули, лишь качалась на волнах фуражка Дуксиса с блестящим козырьком.

Теперь можно было и умереть. Но можно было и жить. А пока человек еще жив, у него нет желания помирать. И Инга Мурниек один за другим перевалил все ящики с рыбою за борт лодки. Лодка немного приподнялась. Подхватив одной рукой брата подмышки, другою держась за нос лодки, Инга направил ее навстречу волнам к берегу. Ветер и волны несли лодку по течению все ближе к земле, навстречу жизни и новой борьбе.

СЫНОВЬЯ СТАРОГО КРУЗЕ

I

Берег Бубульского болота населен только с юго-западной стороны, там, где к самому краю его подходит проселочная дорога, пролегающая вдоль речушки Дзерве. В старину здесь были только леса да топь, и разработка этого клочка земли тесно связана с семейной историей Крузе. Младшее поколение мало знает об этом, но если побеседовать с седыми дедами, по старости лет способными лишь

пасти скот да сторожить фруктовые сады, то многое можно узнать. Лучше всего, конечно, потолковать с самим Яковом Крузе, или старым Крузе, как его прозвали, — ведь были еще молодые Крузе, его сыновья — Янис и Артурс, и дочь Марта, самая младшая в семье.

Этот самый Яков Крузе лет тридцать тому назад пришел сюда, на южный конец Бубульского болота, и построил на пригорке среди гнилых пней временное убежище — небольшую деревянную лачугу. Был он тогда еще молодым и цветущим мужчиной. Сейчас он сгорбился, словно надломленное дерево, волосы и редкая борода побелели, при ходьбе ему требуется палка, — крепко вцепился ревматизм в кости, но за это время Яков Крузе успел взамен прежней лачужки выстроить двухкомнатный жилой дом, скотный двор, клеть и сарай, баньку на берегу ручья. Хоть и состарился Яков Крузе, но чувствовал он себя счастливым: теперь у него имелись лошадь, четыре дойные коровы, несколько ульев пчел да еще сорок пуравиет¹ земли.

Примерно лет сто тому назад прадед Якова Крузе, Адам Крузе, получил от барона землю — сплошные пни да кустарник на краю Бубульского болота, недалеко от шоссе. Тридцать лет он был рабом на своей собственной земле: поднимал новь, корчевал пни и осушал топь возле реки. Когда же, наконец, среди леса заколосилась нива, а вместо топи барон Вольф увидел прекрасные луга, он пригласил в имение старого Адама Крузе.

— Ты достаточно пользоваться уже та землиц, — сказал барон. — Твой господин забирает все — земля, луг унд хаус к свой имений. Границ акkurat одна ходил к другой. Абер штоб ты не

¹ Пуравиет — около трех гектара.

говорил: плох твой господин, я давал тебе новый земля — цур дрей фиртел верст дальше от шоссе.

В тот день понял Адам Крузе, что земля, которую он до сих пор считал своею, принадлежит немецкому барону. Тридцатилетний труд всей его семьи, рабская барщина в имении — все это, оказалось, не давало ему прав на собственный дом. Барон просто предложил перейти на новое место, где его снова ждали кустарник и топи. Его сердце обливалось кровью; он поцеловал руку барона и молча вышел. Проселочная дорога, выходящая на шоссе, теперь углубилась в лес еще на один километр. Вместе с сыновьями и дочерьми Адам Крузе взялся за устройство нового семейного гнезда на краю болота. Он только успел начать, закончил работу сын его Петр. И опять целое поколение окропляло сухую землю своим потом и боролось с лесом до тех пор, пока он не отступил перед настойчивостью человека и земля не стала вознаграждать суровый труд. Сорок лет продолжался сон Петра Крузе, дивный сон о собственной земле, о собственном доме, о собственном теплом гнездышке. Как-то юный барон Вольф, отправляясь на охоту вместе со своими собаками и псарями, задумал напиться воды на хуторе Яункрузе¹. Он увидел красивый, благоустроенный хутор, — стало быть, крестьяне на его земле живут зажиточно. У него от жадности разгорелись глаза.

Петра Крузе пригласили в имение.

— Весь твой земля мит хаус и прочий зах ошень нужен мне... — сказал барон. — Я присоединяй твой хутор к мой имений, чтоб имайт вйне гераде гренце.

Сорок лет Крузе ожидал этой минуты, как приговоренный к смерти ждет последнего часа. Его

---

¹ Яункрузе — Новокрузе.

словно обухом по голове ударило. Старый крестьянин в своем отчаянии все еще надеялся на чудо, думал, что и барон в конце концов окажется человеком. Ему тяжело было гнуть свою старую одеревяневшую спину, и все же, пересилив боль, он кланялся до тех пор, пока не дотянулся губами до руки барона.

— Добрый господин барон, окажите милость... оставьте меня хотя бы арендатором на хуторе... — униженно бормотал он. — Ведь вся жизнь тут прожита и дети тут выросли. Какую бы арендную плату вы ни назначили, я на все согласен. Куда мне деваться на старости лет, где приклонить голову...

— На старость лет? На этот случай волост имеют хаус для убогих. Но твой дети могут строят новый хаус. Я дать кусок земля у болот бей Бубулдорт, где лес горел пожар. Ты должен сам зоржен для себя.

— Господин барон...

— Я уже скажит: Яункрузе нужен мне, и я их брат себе. Тебе можно итти. Пунктум.

Вот и на этот раз пришлось семейству Крузе покинуть родной дом, уйти на самый конец болота. Теперь проселочная дорога протянулась еще глубже в лес, пришлось даже строить мост через реку Дзерве. Яков Крузе начал с того же, с чего начинали его отец и дед. Словно злая судьба предопределила всему их роду лишь корчевать пни да поднимать целину. Где бы ни прошла семья Крузе — там сразу появлялась жизнь; все расцветало, вокруг становилось просторнее. Их труд рождал пашни, луга и пастбища со стадами скота, дорогу, по которой крестьяне ездили на мельницу.

Надолго ли судьба оставит их в покое?

Здесь Яков Крузе постепенно состарился и стал «старым» Крузе. Пятнадцать лет назад, как раз когда самые большие трудности уже были преодолены и можно стало жить по-человечески, у него умерла жена Анна. Яков отлично знал, что ее свел в могилу непосильный труд. Отдохнула ли она хоть раз за все годы их совместной жизни? Ведь она, как говорится, и солнышка как следует не видала. От темна до темна, и в будни, и в праздник, зимой и летом жена знала лишь один непрерывный труд.

Старшему сыну Янису в то время было семнадцать лет, а он уже работал как настоящий пахарь, и в косьбе никто не мог с ним сравняться. Артурс был на пять лет помоложе брата, а Марте шел всего восьмой годочек. В усадьбу «Дзервитес» (старый Крузе не пожелал дать хутору свое имя, ведь были уже две усадьбы — Яункрузе и Вецкрузе¹) переселилась также сестра Якова Крузе Катерина. Пока подрастали дети Якова, она заменяла умершую хозяйку. Когда и Катерина умерла, Марта к тому времени уже могла вести хозяйство и со скотом управлялась.

Хотя после мировой войны бароны и уехали в Германию, и усадьба «Дзервитес», как полагается, по всем земельным актам была записана за Яковом Крузе, старый крестьянин иногда вспоминал, как согнали с земли его отца и деда. Мог ли он быть уверенным в том, что в один прекрасный день и ему не скажут: «Убирайся прочь с этой земли — она нужна мне самому...» Уйти, отдать труды всей своей жизни чужому человеку, не приложившему рук к ним... Священники и пасторы

¹ Вецкрузе — Старокрузе.

так много говорят о боге, но где же был этот самый бог, когда старый барон Вольф согнал Адама Крузе с его земли в лес? Где же был бог, когда молодой барон Вольф отнял у Петра Крузе его пашни и луга? Нет, все это одни лишь сказки. Если бы бог был добрым, он не позволил бы хищникам и разбойникам губить маленьких людей. Каждый человек должен сам ковать свое счастье, должен сам искать справедливости. Об этом и Янис говорил, а ведь он прочел немало книг.

Одно лишь было вполне ясно старому Крузе: если бы еще раз случилась беда и им пришлось бы расстаться с усадьбой «Дзервитес», то он не разрешил бы четвертому поколению Крузе вновь корчевать пни, вновь строиться посреди болота. Правда, на противоположной стороне Бубульского болота были еще тихие места, где можно было поселиться, но ни Янис, ни Артурс не стали бы этого делать... Стоило лишь потерять усадьбу, и его птенцы разбрелись бы по миру... Нет, нельзя потерять «Дзервитес».

Меньше всего забот причиняла старому Крузе его дочь Марта. Как тихий, ласковый домовый, она делала свое дело: чинила, штопала платье отцу и братьям, варила обед и доила коров. Раньше всех она вставала по утрам, последней укладывалась спать. И как-то само собой получалось, что никто ее не замечал; быть может, это объяснялось тем, что она была нетребовательной и никогда ничего для себя не просила. Артурс — тот привык над ней командовать: «сделай то-то, принеси то-то, почему не выглажены брюки, почему не принесла папирос...» Отец всего этого не замечал. Привыкнув к спокойному и однообразному течению жизни, он все, что не нарушало старых, ранее установившихся порядков, считал естественным. Должно было случиться что-то особен-

ное и непривычное, чтобы пробудить его. И такой случай произошел восемь лет тому назад.

Яниса арестовали...

Семья уже давно знала о том, что он не верит в бога и не признает власти господ. Он очень много читал, особенно после возвращения с военной службы. Ни в одной из окрестных библиотек нельзя было достать таких книг, какие он приносил домой: эти книги он никогда не оставлял на столе, не читал их при чужих... И все-таки никому бы и в голову не пришло, что Янис настоящий большевик, коммунист, руководитель целой организации, чрезвычайно опасный человек, который собирался, как об этом писалось в газетах во время судебного процесса, свергнуть власть с помощью вооруженной силы.

Старому Крузе одно было ясно: его Янис был и оставался хорошим сыном и честным человеком, несмотря на то, что власти считали его преступником. Ведь сын его не украл, никого не убил. Он только искал правду для себя и для других. И до тех пор пока его правда не станет сильнее людской несправедливости, несправедливость делает с ним что хочет. Да, сила нужна, и только с помощью ее победит правда.

Яниса Крузе приговорили к десяти годам каторжных работ. Артурсу шел уже девятнадцатый год. Он особенно-то не печалился по поводу случившегося с Янисом несчастья. Даже, наоборот, ему казалось, что теперь жить ему стало свободней и удобней, что он теперь станет самостоятельнее. Пока в доме был Янис, Артурсу приходилось иногда отказываться от многого, ибо старший брат не только вышучивал его, но даже бранил за некоторые его склонности. Стоило Артурсу в первый раз вернуться пьяным с танцульки, Янис так взял его в оборот, что у парня от стыда уши горели.

Но еще хуже получилось, когда Артурс упомянул о своем желании вступить в ряды айзсаргов. Янис сначала накричал на него, назвал его идиотом и после этого два дня не разговаривал с ним. Только позднее он взялся убеждать Артурса в том, что организация айзсаргов враждебна интересам народа и расчищает дорогу власти кулаков и спекулянтов.

— Ты кто? Сын труженика-крестьянина, зарабатывающего свой насущный хлеб в суровом, горьком труде. Если вступишь в ряды айзсаргов, станешь лодырем, мальчиком на побегушках у пузатого Амолина. Все они живут чужим потом, жиреют и поправляются за счет своих рабочих и батраков. Ты должен понять, что у нас другой путь. Когда трудовой народ поднимется и скажет свое слово — всем им придется убраться.

Часто беседовал Янис с младшим братом, стараясь воспитать в нем чувство преданности тому великому делу, которому он сам отдался целиком. Единственным результатом этих бесед было то, что Артурс замолчал о своем желании вступить в ряды айзсаргов, или «соколов».

Блестящая форма — вот о чем мечтал Артурс. Красивый мундир, оружие, встречи и деловые сношения с важными лицами в волости, лихие выступления на танцульках... бутылка водки, полдюжины пива... А права — одинаковые с полицией: можешь остановить на шоссе любой автомобиль, потребовать предъявления документов... потребовать, чтобы тебя подвезли... А если брат Янис такого плохого мнения о кулаке Амолине, так это еще ничего не значит. Ишь ты какой мудрец нашелся! Не беда, что Амолин толст и пузат, что он по три раза в год меняет своих батраков на мельнице и в усадьбе, а его пастушонок оглох от побоев. Все равно никто ничего ему не сделает.

Амолину достаточно позвонить по телефону к начальнику уезда, и неугодного берут под арест. Зато Амолину принадлежит самая большая усадьба во всей волости—настоящее имение в двести гектаров, да вдобавок и мельница, и лавка. Сына у него нет, только дочь — красавица Айя. Как-то за игрой в фанты Артурсу удалось поцеловать ее — и недаром про него все говорят, что со временем он станет сердцеедом. И найдется ли вообще такая девушка, которая смогла бы пройти мимо него, не оглянувшись и не покраснев при этом? Что касается Айи, стоит ему только захотеть, и она согласится притти к нему на свидание. На всех танцувках она его приглашает на вальс.

Но с одним красивым лицом и статной фигурой далеко не уедешь. Взять хотя бы Яниса: он не пользовался успехом у женщин, несмотря на прекрасную внешность, ему нехватало молодцеватости и умения держаться в женском обществе. Для этого необходимо хорошо одеваться, танцовать и болтать с барышнями. А самое главное — необходимо теснее сойтись со сливками местного общества.

Все это Артурс Крузе уже давно понял и после ареста Яниса вздохнул свободно. Теперь он спешил наверстать упущенное. Он научился танцовать, вступил в организацию айзсаргов и оделся в форму, стал членом охотничьего общества. На военной службе он остался еще на год в качестве сверхсрочного, и за это время у него выработались собственные политические взгляды. Главное, не будь евреев и коммунистов, — жить можно бы прекрасно. Вот почему евреев надо избивать и преследовать где только можно, коммунистов же необходимо всех переловить и посадить за решетку. Коммунисты угрожают частной собственности, а он, Артурс, хочет сделаться богатым. Большеви-

ки хотят мир перестроить по-своему, в нем все должны трудиться, а между тем Артурс Крузе думал, что не плохо было бы существовать на средства, добываемые для него рабочими и батраками. Стать барином! Стать зятем Амолина!

В течение трех лет он почти не думал о своем брате и не интересовался его судьбой. Он знал только, что Янис сослан в каменоломни Калнциема и там ему приходится жарко. Только сестра иногда писала брату, да отец изредка посылал деньги или что-нибудь из продовольствия. Чего же ему еще больше? Сам виноват — не умел жить, как подобает порядочным людям, пусть теперь об этом поразмыслит.

Но потом случилось нечто, заставившее Артурса Крузе вспомнить о брате и подумать о его судьбе. Когда вожак всех латвийских кулаков Карлис Ульманис с помощью айзсаргов захватил власть в свои руки, Артурс в течение двух недель не заявлялся домой: помогал «наводить порядок» в Риге. Он принял участие в аресте и ловле коммунистов, он конвоировал их по пути в тюрьму. Да, для него наступил праздник. Айзсарги стали героями дня, даже чины регулярной армии остались вроде как бы в тени и с завистью поглядывали на разряженных в форму кулацких сынков! Свое путешествие по стране Артурс проделал, находясь в отряде кулака Амолина, которому руководители переворота доверили самые ответственные поручения. Само собой понятно, что сержант сверхсрочной службы Артурс Крузе, с его знанием строевой службы, стал главным помощником Амолина. Фактически он и командовал отрядом, а Амолин только числился командиром. А возвращение «в свою родную волость»: цветы, приветствия и благодарственные речи! Торжественный обед в клубе айзсаргов!.. И рядом с Артурсом сидела красави-

ца Айя Амолли! Чорт возьми — вот это да, вот это успех!

Круглый год Артурс бездельничал дома. За это время в штабе айзсаргов каким-то образом разнюхали, что в каменоломнях Калнциема находится видный коммунист Янис Крузе и что его единокровный брат Артурс Крузе является командиром отряда айзсаргов. Этого оказалось вполне достаточным, чтобы Артурса, как политически неблагонадежного, исключить из рядов айзсаргов.

— Так тебе и надо! — сказал, узнав об этом, старый Крузе. — Не лезь, куда не следует.

— Как это не следует? — Артурс рассердился свыше всякой меры. — Во всем виноват Янис. Из-за него и мне приходится страдать.

С этого времени Артурс возненавидел брата всей душой. Янис стал его врагом, его злой судьбой. Сам не сумел жить и другим испортил существование. Из-за него, каторжника, в пух и в прах разлетелась вся слава Артурса.

Он жестоко стыдился своего исключения. Ему пришлось сдать оружие, пришлось снять знаки различия.

Артурс пробовал спасти свое положение, написал прошение главному командиру айзсаргов. Ходил он и к Амоллину, просил у него поручительства.

— Ну, скажите на милость, господин Амолли, чем я виноват, раз у меня такой братец. Он старше меня на целых пять лет. Мы с ним сроду не ладили, и с тех пор как его арестовали, я даже ни одной строчки ему не написал. Вы же прекрасно знаете, насколько я предан нашему предводителю и вождю. Я готов выполнить любое порученное задание, я докажу свою преданность!

— Дорогой дружок, я тебя вполне понимаю, и сочувствую, и верю тебе, — сказал Амоллин. —

Ю министр уже вынес свое решение, и сейчас я посилен помочь.

— Хорошо, а если я обращусь к самому министру и у меня потребуют отзыва, согласитесь вы замолвить за меня?

— Я могу сказать, что ты был образцовым айсаргом.

Амолин отлично сознавал, что Артурс Крузе — свой человек, слепо преданный и покорный, как пес. Нет, с этим парнем риска не было. Понятно. Жалко, что ему приходится расстаться с красивой формой... Он и Айя — весьма подходящая парочка... Но...

— Ты пока обожди, подумай, — заговорил Амолин, — потом мы поднимем вопрос и перед министром. А до тех пор ты можешь оказать нам большие услуги. Подумай только: тебя исключают из рядов айсаргов, тем самым всему обществу доказывается, что мы считаем тебя опасным, враждебным элементом. Разные темные и подозрительные людишки начинают глядеть на тебя с симпатией. Ты сближаешься с ними, вынюхиваешь все их замыслы и планы, а потом регулярно являешься ко мне (понятно, тайком), сообщая обо всем, и тогда можно будет заблаговременно их обезвредить. Начальник и министр будут знать о твоей деятельности, таким образом, в их глазах ты все время будешь считаться своим человеком. А спустя некоторое время, когда ты докажешь свою преданность, тебя без всяких околичностей восстановят и возвратят чин командира. Если ты согласен, я готов поговорить с Фридрихсоном и все это дело улажу.

— Так вы думаете, что мне недолго придется ждать? — Артурс ожил и снова почувствовал себя на равной ноге с Амолином.

— Год, а может — два.

— Это слишком долго.

— Но ведь и мы собираемся долго жить, — сказал, улыбаясь, Амолин.

— Ну, хорошо, я согласен. Только пусть кто-нибудь поучит меня. Я ведь по этой части еще новичок.

— Это мы сделаем. Видишь, как хорошо все получается. Не выпить ли нам по этому случаю

III

В июньские дни 1940 года жители уезда впервые увидели танки. Они, громыхая, неслись по шоссе мимо усадьбы Вецкрузе и амолинской мельницы по направлению к Риге. Весь народ бросил работу и потянулся к шоссе, чтобы взглянуть на могучие боевые машины и приветствовать танкистов. Радостными улыбками, дружескими взмахами рук, цветами встретили крестьяне армию великого советского государства, взявшего под свою защиту латвийскую землю и ее народ.

Вступление и приход Красной Армии совпали с солнечным и урожайным летом. Всю страну охватило праздничное настроение. Народ, этот дремавший доселе богатырь, внезапно сбросил тяжелый свой сон и встал навстречу новому, богатому трудовому дню.

Амолин несколько дней подряд не выходил из дому. Озабоченным стал и волостной старшина Клавсон, сразу притихли айзсарги, — их дрожь пробирала от страха. Все они ждали расплаты, кровавой волны отомщения, вспышки народного гнева. Как-то ночью толстый Амолин явился в усадьбу «Дзервитес» и разбудил Артурса.

— Теперь твоего брата освободят из тюрьмы. Наверное, он станет важным человеком. Замолви там за меня словечко, — ведь мы с ним почти

по родня. Айя ужасно беспокоится, как бы не было кровопролития.

От оказанной ему чести Артурс даже вспотел. Почти что родня... Айя... Совершенно ясный наек...

— Я сделаю все, что можно, — бормотал Артурс. — Как хорошо, что тогда меня не восстановили в отряде айзсаргов. Что бы я теперь делал?

— А это, я разве неправ был? — воскликнул Амолин. — Ты ведь знаешь, кого за это благодарить надо. Я всегда говорю: гляди вперед, немножко дальше своего носа.

— Так вы думаете, господин Амолин, что теперь все пропало?

— Дорогой друг, этого сейчас никто не знает. — Амолин вздохнул. — Поживем — увидим. А пока не выяснится обстановка, нам придется спрятаться на время в подполье.

Двадцать первого июня Янис Крузе вышел из тюрьмы на свободу. Долгие годы каторги заметно расшатали его здоровье. Сверхчеловеческий труд в каменоломнях, плохое питание, зверское обращение надзирателей — все это привело к тому, что вместо краснощекого, здорового парня, домой вернулся истощенный, больной человек. Но в его пронизывающем взгляде была такая сила, что редко кто мог выдержать его.

Янис вернулся из Риги в конце месяца и провел народное собрание в бывшем клубе айзсаргов.

— Не мстить, а осуществлять справедливость, правду пришли мы, — говорил он. — Каждый, желающий честно сотрудничать с нами, найдет себе дело. Плюйте в глаза тем, кто провокационными слухами, враждебными разговорчиками пы-

тается вызвать панику; разоблачайте тех, кто боится о якобы ожидаемых потоках крови. Наше оружие — слова правды, нам не надо крови. Вместе со всем трудовым народом мы хотим построить несомненно построим новое, основанное на справедливости и человечности государство. Мы сметем нашего пути всех тех, кто пытается вставлять напалки в колеса, и, наоборот, мы дружески протянем свою руку каждому, кто хочет честно участвовать в нашей работе.

После собрания он вместе с Артурсом поехал в усадьбу «Дзервитес», где и остался ночевать.

— Что тебе можно кушать? — спросилась у него Марта. Она очень испугалась, узнав, что Янис нажил катар желудка.

После ужина старый Крузе и Янис решили обойти пашни и луга усадьбы «Дзервитес». Ведь и Янис вложил сюда свой труд, вот почему он прекрасно понимал чувство отца к этому милому, родному клочку земли, ко всему, что здесь было создано.

Они остановились на пригорке возле клеверного поля. Отсюда, сверху, хорошо было видно все маленькое крестьянское владение — поле, луг, фруктовый сад и дом. У ног хозяина улегся старый дворový пес Мунтерс, он громко дышал, высунув язык, и глядел в сторону реки, как и его хозяин. Стоило старому Крузе перевести свой взгляд на усадебные постройки, как и собака вслед за ним стала глядеть туда же.

— Я хотел кой о чем спросить у тебя, сынок... — нерешительно проговорил старик. — Только не обижайся, если я начну пороть чепуху.

— Говори, говори, — дружески улыбнулся Янис.

— Здесь ты видишь все, что создано нашими руками за долгие годы, — голос старого Крузе

да хриплым. — Все сами... Чужой тут рук не складывал. Сейчас люди говорят, что у крестьян будто бы отберут землю, объединят все поля и пашни в одно имение, и тогда снова будут руководать господа, старосты... Ты там, в Риге, встречался со многими людьми, знаешь больше меня. Растолкуй мне, как это все будет?

— Нет, отец, так не будет, — ответил Янис. — Ты этим слухам не верь.

— Да вот и Артурс рассказывает то же самое.

— Он и сам не знает, что говорит. Будь спокоен, отец, усадьбу твою никто не тронет. У бедняков, у крестьян среднего достатка землю отбирать не будут. Только кулакам, крупным хозяевам придется отдать часть земли, чтобы безземельным и батракам было на чем работать.

— Выходит, что эти коммунисты, большевики, вовсе не такие плохие, как об них говорят?

Янис рассмеялся:

— Про нас рассказывают всякие небылицы. Но народ будет судить о нас по нашей работе. Тогда каждый увидит, что мы на деле собою представляем.

Этой ночью Янис лег в одной комнате с Артурсом. Они долго не засыпали, пустившись в разговоры.

— Какую должность ты сейчас занимаешь? — первым делом спросил брата Артурс.

— Секретарь уездного комитета партии.

— А сколько ты получаешь?

— Пока и сам не знаю. Но это ведь не основное, не главное. Основное — работа.

— Мне тут пришлось здорово пострадать за тебя от приверженцев Ульманиса, — сказал Артурс. — Они узнали, что ты мой брат, и сразу же исключили меня из организации айзсаргов. В айзсаргах я, правда, пробыл недолго. Да, вот они и

стали меня преследовать. Охотничье ружье отобрали, к волостным должностям не допускали, все время смотрели на меня как на «красного». Ну, все это ничего. Как думаешь, Янис, не могу ли и я сейчас получить какую-нибудь должность? Вам ведь работники нужны. Ты бы замолвил за меня словечко. Против меня никто ничего не может иметь. Я ведь пострадал, меня преследовали...

— У нас кумовство не в обычае, и потом, ты не обижайся, брат, я буду судить о тебе по твоим делам, как и обо всех остальных. Тебе надо расти и многому учиться. На это ты не обижайся — мы, большевики, любим говорить открыто.

— Ты что, считаешь меня никуда не годным человеком?

— В политическом развитии ты сильно отстал. В тебе еще сказываются чуждые влияния, сам того не желая, ты можешь допустить крупные ошибки. Поучись, поработай, тогда посмотрим.

Разговор на этом оборвался.

На другой день Янис с утра уехал обратно в город. А Артурс в тот же вечер был на мельнице. Айя встретила его весьма благосклонно, угостила чаем, села за пианино.

— Почему ты вчера не пришел к нам вместе со своим братом? — спросила она, перебирая клавиши. — Говорят, что он теперь будет задавать тон в нашем уезде. Отцу хочется с ним познакомиться.

— Он сильно утомился после собрания. К тому же, я не мог знать заранее как вы на него посмотрите.

— А в следующий раз ты приведешь его?

— Право, не знаю, он какой-то странный. Возгордился, своих уже не признает. Должно быть, власть вскружила ему голову.

— Ну, это-то понятно. Неужели ты думал, что он сейчас будет держать себя, как нищий?

— Все же мог бы учесть хотя бы родство. Да где там... Ну, и чорт с ним. Мне от него ничего не нужно.

Он схватил Айю за руки и улыбнулся ей, весь покраснев при этом. Какие плечи у нее, груди!.. Как шелестели шелковые чулки, когда она закинула одну на другую свои стройные ноги. Ее глаза задорно блестели.

Он вздохнул, обнял ее и поцеловал в свежие, яркие губы. Она ответила на поцелуй Артурса, — то было удивительно сладостное ощущение.

— Айя... дорогая...

— Хватит, довольно! — Она лукаво нахмурила брови и предостерегающе приложила палец к губам. — Скоро вернется отец!

— Да он и так знает обо всем!

— Неужели тебе охота целоваться при свидетелях?

Артурс сразу приуныл.

— Ну, чем дело пахнет? — спросил его возвратившийся мельник, когда они остались вдвоем.

— Неважно. Он мне не доверяет. Говорит, я нахожусь под чуждым влиянием. Рекомендации на работу не дает.

— Да, видно, его голыми руками не возьмешь!

— Как вы думаете, можно ли быть уверенным, что он не узнает?

— О чем именно?

— О моих связях с айзсаргами... о том, что я провалил ту группу... кружок?

— Об этом можешь не беспокоиться. Кроме начальника, никто ничего не знает. Он успел сжечь все компрометирующие документы.

— Вы это твердо знаете?

— Вполне твердо. Мне об этом сказал начальник точки.

— Ну, а как мне быть в дальнейшем? Как должен я себя вести?

— На этот счет указаний еще не было. Наше руководство в Риге окончательно потеряло голову. Кое-кто из наших уже арестован. Некоторое время нам придется управляться самим, применительно к обстановке. Крестьяне в полном неведении о завтрашнем дне. Этот промежуток времени и надо использовать. Ты можешь сослаться теперь на свои разговоры с братом, и тогда тебе поверят. Среди пожилых и стариков надо создавать атмосферу беспокойства, страха. Они будут готовы, как утопающий, хвататься за соломинку.

Скоро после этого по всему уезду стали распространяться слухи о том, что крестьян сгонят с земли, что всех латышей вышлют в Сибирь, а на их землю привезут русских, что в Риге вся власть в руках евреев.

Артурс Крузе старался во-всю. Темные и подозрительные элементы издали наблюдали за событиями и с нетерпением ждали, не допустит ли вновь установленная советская власть какой-нибудь ошибки, промаха, чтобы воспользоваться случаем и потом в тысячи труб протрубить на всю страну: «Смотрите, что они творят — эти большевики!» Но советская опрокидывала все предсказания демагогов.

Тяжелые дни пережил Артурс, когда началась национализация крупных промышленных предприятий и земельная реформа: у Амолина отобрали мельницу, от его имения отрезали сто семьдесят гектаров земли, распределив их среди безземельных крестьян. Амолин только шипел от злобы.

— Даже не мог ты добиться через брата, чтобы мельницу хоть не тронули, — упрекал он Ар-

турса. — Если из-за формальных соображений нельзя было сделать иначе, можно было бы искусственно снизить в сведениях число рабочих. Ведь в будущем все это досталось бы тебе самому.

Айя вдруг стала весьма холодно обращаться с Артурсом.

— Ты с ними в одной компании. Что ты приходишь ко мне — шпионить, что ли?

Артурс чувствовал себя виноватым перед ней, но ничего не мог поделать. Янис, только он один был виноват во всех его неудачах. Из-за него могли окончательно испортиться отношения с Амоллином, а все крупные хозяева в волости уже сейчас смотрели на него с ненавистью... И Айя... Нет, нет, Айю он не должен потерять. Он готов был уникаться, пресмыкаться, даже пойти на преступление, лишь бы сохранить Айю.

Когда Янис приехал на рождество домой, Артурс встретил его очень холодно.

— Чего тебе еще нехватает, живешь, как барин, раз едешь на автомобиле и только высматриваешь, что бы еще отнять у других! — прохаживался он на счет брата.

— А разве у тебя что-нибудь отняли? — спокойно спросил Янис.

— Ты отнял и похитил у меня больше, чем у кого другого! — отрезал Артурс. — К рождеству я уже собирался отпраздновать свадьбу, а ты разорил отца моей невесты, сделал его нищим. Она теперь и слышать не хочет о свадьбе.

— А сколько же земли осталось у твоего будущего тестя?

— Что ж там осталось, каких-нибудь несчастных тридцать гектаров...

— И ты уже считаешь его нищим? Подумай, что ты говоришь.

— А ты вспомни, сколько земли было у него раньше!

Старый Крузе пытался помирить сыновей, но из этого ничего не вышло. Напрасно старался и Янис убедить брата: все его слова отскакивали от Артурса, как горох от стенки. С кирпичной стеной бесполезно спорить, чтоб ее пробить, нужно долото. Все же Артурс вспомнил мудрые советы Амолина и постарался унять свою злобу. Теперь он пытался даже выведать у брата кое-какие секретные сведения, но Янис был сдержан и ничего лишнего не говорил.

Со временем прошел гнев и у Амолина. Как бы там ни было, но Артурс Крузе мог еще пригодиться, оказать услугу. Зачем его зря отталкивать? Аяя снова сделалась ласковой. Говоря по правде, Артурс не виноват: что он может сделать, раз у него такой братец? Противно ей было лишь то, что на их земле появились какие-то неведомые людишки, простые мужики, новые хозяева. Они копались в земле ее отца, сеяли и чувствовали себя здесь как дома. Хотя бы скорее пришла война!

Пока одни строили и творили, создавали новую, справедливую и счастливую жизнь, другие — их была небольшая кучка — все свои надежды возлагали на войну, на смерть.

IV

Началась война. Вооруженные до зубов полки и дивизии, возбужденные близостью богатой добычи, рвались все глубже в пределы миролюбивой советской страны. И многим казалось, что благодаря вероломству фашистам удастся сломить сопротивление советского народа, что Красная Армия будет сразу рассеяна под мощным и страш-

ным напором этой стальной лавины. Горели города, в пепел превращались деревни и села; стальные чудовища расплзлись по нивам, возвращенным колхозниками с любовью и надеждой. Враг высылал вперед целые полки шпионов и диверсантов, распространял слухи, всячески стараясь вызвать панику; ему необходимо было создать впечатление, что все потеряно, что сопротивление бесполезно.

Амолин, а вместе с ним и остальные крупные хозяева исчезли из волости в первые же дни войны. Кое-где в лесах стали раздаваться выстрелы, неизвестные люди рвали телефонные провода. Молниеносно распространялись самые невероятные слухи. Все эти банды старались как только можно навредить советской власти в ее тяжелой борьбе с врагом, но из этого ничего не выходило. Вплоть до самого прихода немецкой армии предателям нигде не удавалось захватить власть в свои руки. Истекая слюной, они прятались по лесам, подсматривали из-за угла, выжидая, не пора ли вылезать наружу, начинать кровавую работу палача.

Артурс Крузе тоже было подался в лес вместе с Амолином и остальными, но, увидев, что дело затягивается, он дня через два вернулся домой и стал наблюдать за событиями. Он служил для банды связистом и доставлял ей продовольствие. Когда же повсюду стали действовать быстро организованные рабочими и крестьянами истребительные отряды, Артурс поспешил известить об этом Амолина.

Янис Крузе в эти дни почти не спал. Он созвал уездный партийный и советский актив и создал несколько истребительных отрядов, поставив во главе каждой боевой группы самых выдержанных и опытных товарищей.

Немецкие танки находились уже в двенадцати километрах от города, а Янис был еще полно-властным хозяином в своем уезде. Твердою рукою он сдерживал панику, угрожавшую охватить весь город. Он не разрешил войти в город потоку беженцев, хлынувшему с юга. На дорогах были установлены посты, с их помощью беженцев направляли по глухим окружным путям дальше. Янис сам проверил, как проходит эвакуация банков и предприятий, вывезен ли инвентарь машино-тракторных станций, в порядке ли предназначенный для вывоза ценностей транспорт. На шоссе за рекою уже гроыхали первые танки, когда Янис отдал приказ взорвать мост и силовую электро-станцию.

Всю ночь и первую половину следующего дня немцы безуспешно старались пробиться в город. Хорошо организованная оборона произвела на врага сильное впечатление и заставила его подумать, что город защищает крупное войсковое соедине-ние. А между тем, военные силы Яниса Крузе состояли из отряда, вооруженного всего-навсего восемьюдесятью винтовками и ручными гранатами.

В час дня Янису удалось связаться по телефо-ну с Центральным Комитетом партии.

— Фашистские танки, примерно с двумя ро-тами пехоты, уже на окраине города. Наших воин-ских частей нет, только мои пехотинцы. Город пока не трогают, шоссе не обстреливают. Два раза бомбили железнодорожную станцию. Вагоны и па-ровозы вывезены.

— Положение таково, что вы как бы вклини-ваетесь в линию фронта противника. Лишних лю-дей отсылайте в тыл, а вооруженные отряды пусть пытаются еще задержать врага. К вечеру, когда стемнеет, отходите на север.

Два раза фашисты пробовали напугать защит-

ников города, открывая бешеный и беспорядочный огонь из пулеметов и автоматов и подпалив несколько домов. Но каждый раз, как только они пытались переправиться через реку, их встречали прицельным огнем, и фашисты вынуждены были отступать.

В сумерки отряд Яниса оставил город и направился на север. Не успели они отойти и километра на три, как начался обстрел. Бухала артиллерия, трещали пулеметы, с противным визгом падали мины.

— Они думают, что мы все еще там,—усмехнулся Янис. — Ничего, в общем, около сотни мы сегодня ухлопали. По одному убитому фашисту на каждого из нас. Для начала и это неплохо.

— Сегодня ночью они еще побоятся вступить в город, — добавил председатель горисполкома Селис. — Будут шуметь и прощупывать подступы, но войти побоятся.

— Это нам на руку, — сказал Янис, — сегодня ночью нам предстоит выполнить одно важное задание.

Он остановился.

— Командиры отрядов и звеньев, ко мне!

Вокруг него собралось человек пять-шесть.

— Нам сейчас необходимо разбиться на несколько звеньев, — сказал Янис. — Селис с отрядом в сорок бойцов направится к мосту Гарози. Там его ждет Сакнитс со своим истребительным отрядом. Объединитесь с ним и в дальнейшем действуйте сообща. Виксиньшу, примерно с двадцатью бойцами, необходимо ночью добраться до имения «Роза» и взорвать там склад боеприпасов, в том случае, если он еще не взорван. Понятно?

— Будет сделано, товарищ секретарь!—весело отозвался Виксиньш, молодой плечистый парень. — Ну, а потом что?

— Сейчас скажу. Остальным придется пойт со мной. Мы отправимся к потайным армейским хранилищам горючего. Там примерно шестьсот тонн бензина. Не оставлять же его фрицам!

— Но, может быть, наши могут использовать. вывезти часть бензина? — вмешался Селис.

— Кроме нас, никого нет в этом направлении. Прошлой ночью отошли последние части Красной Армии. Товарищи... возможно, что противник окружил уже и нас. Об этом первым узнает Селис у моста Гарози. Если мост уже захвачен немцами,—кольцо вокруг нас сомкнуто. Но и в этом случае нельзя терять мужество.

— Чего там печалиться! — отозвались бойцы. — На нашу долю остаются еще леса, кустарники и Бубульское болото. Да мы сами не с голыми руками. Если понадобится, — силой пробьем себе путь.

— Правильно! — подтвердил Янис. — Все это я сообщил вам для того, чтобы вы знали истинное положение и действовали с надлежащей осторожностью и вниманием. В дальнейшем старайтесь держать связь с именем «Роза». После операции я со своим отрядом направляюсь туда.

В вечерних сумерках он крепко пожал руку своим товарищам.

Уже скрылся за поворотом дороги Селис со своими бойцами, по другой дороге ушел Викснийш со своими людьми. После этого Янис собрал оставшихся — их было человек тридцать, — разъяснил план намеченной операции, распределил задания и тоже двинулся в путь.

Лес вокруг вырубki казался вымершим, и возле зеленого, поросшего редкой травой искусственного пригорка не было ни души. Несколько лет назад здесь было выстроено тайное подземное бензинохранилище. От вырубki к шоссе на расстоя-

километра вела мощенная гравием дорога. Другой стороны, тут же возле леса,—железнодорожная станция. Ни один паровоз не пыхтел нам сейчас, тихо было и на шоссе, только со стороны города доносилась стрельба.

Молодой Апалупс, заместитель председателя окружного исполкома, когда-то работавший на строительстве хранилища, знал, как лучше всего ему подступиться. Он взялся за размещение взрывчатого вещества и после закладки патронов должен был поджечь шнур. Остальные бойцы расположились на опушке леса, на безопасном расстоянии от хранилища. Когда Апалупс при лунном свете переходил через вырубку, направляясь к пригорку, со стороны железной дороги над лесом взвилась красная ракета.

— Что такое?—встревожились бойцы.

— На всякий случай приготовьтесь к стрельбе, — отозвался Янис Крузе. — Пусть одно звено выдвинется вперед, ближе к Апалупсу. Как бы на него не напали немские бандиты. Кто пойдет со мной?

Он отобрал шесть человек, остальным приказал наблюдать за опушкой леса в направлении железной дороги, и небольшой отряд ползком продвинулся вперед. Ракета погасла. В то же время в воздух взвилась другая — в противоположном конце вырубки.

— Подлецы! — шепнул Янис. — В лесу засели бандиты. Следят за хранилищем. Апалупс! — позвал он, заглушая свой голос.

— В чем дело? — не сразу отозвался тот.

— Нам следует поторапливаться. Кажется, без перепалки не выберемся отсюда.

— Ладно, я уже кончаю.

Слева в лесу раздался выстрел. Пуля со свистом пролетела над их головами. Бойцы не отв

чали. Через минуту грянул новый выстрел, потом сразу с нескольких сторон зажужжали пули.

— Не отвечайте на выстрелы! — шепнул Янис. — Они нас не видят!

Но в темноте уже слышны были поспешные шаги Апалупса:

— Я уже поджег шнур!

Бойцы вскочили на ноги и бросились бегом к опушке, где их ждали остальные товарищи. До опушки оставалось еще десятка два шагов, когда в воздухе над самой вырубкой взвилась белая ракета. Вся поляна стала видна, стало светло, как днем. Отчетливо были видны фигуры бегущих вооруженных винтовками людей. Несколько мгновений спустя загрели выстрелы.

— Огонь, товарищи! — скомандовал Крузе. — Заткните им глотки!

И сразу завязалась горячая перестрелка. За спиной у Яниса кто-то упал наземь. Он хотел было поспешить на помощь, но в это мгновение весь воздух вскинуло от страшного взрыва. Высоко-высоко к полуночному небу взлетела огромная масса земли и поднялся огненный столб. Везде — на вырубке, в чаще леса — падали на землю камни, глыбы земли, осколки железобетона. Перестрелка на время затихла.

— Один из наших остался на вырубке, — крикнул Янис. — Надо посмотреть, что с ним! А как остальные? Все ли целы?

Один за другим откликались бойцы. Только одному из них упавший сверху камень раздробил плечо. Остальные не пострадали.

— Убит Розит... — сообщил Апалупс, ползком добравшийся до своего павшего товарища. — Что с ним делать?

— Необходимо оттащить к опушке леса и похоронить.

С большим трудом им удалось перенести тело эварища к опушке леса, но, когда бойцы стали азыскивать подходящее место для могилы, совсем ядом раздалась выстрелы. Противник подкрался тыла и пытался внезапным налетом рассеять бойцов Крузе.

— Ложиться! Огонь! — скомандовал Янис.

Бойцы дали залпа, потом Янис поднял их и повел в атаку. Неожиданное сопротивление привело врага в замешательство. Бандиты рассыпались во все стороны, только быстро затихавший треск сучьев под их сапогами показывал, с какой поспешностью и стремительностью откатился противник.

После атаки бойцы еще раз пробовали вынести тело Розита, но огонь врага снова помешал им.

— В цепь, направление на шоссе, вперед, товарищи! — тихо скомандовал Янис.

Впереди оказался кустарник, топкая котловина. Они углубились в кустарник и на время потеряли друг друга из виду. И снова, еще раз, неожиданно грянул огонь с правого фланга; стрельба велась как бы с тыла. Но бойцы лишь пригнулись ниже и ускорили свое передвижение вперед. Стало ясно, что неприятель небольшими группами окружил их со всех сторон. Сейчас требовалось несколько оторваться от противника, подыскать себе удобную позицию и после этого принять бой.

Когда бойцы выбежали из кустарника и собрались за прикрытием, по всем лицам пробежало выражение тревоги.

Яниса Крузе среди них не было.

Подождав минуту, они обшарили ближайшие кусты, но не нашли его.

— Так дело оставить нельзя, — угрюмо заговорил Апалупс. — Вернемся назад, хотя бы нам пришлось обшарить весь лес. В крайнем случае,

нападем на бандитов и станем их громить, пока все кишки у них не перепутаются, а командиры разыщем.

И снова они рассыпались в цепь, вернулись обратно, насколько можно было заметить по старым следам, тихонько окликали Яниса, осматривал каждый кустик, каждую ямку и углубление.

Неожиданно они наткнулись на группу спрятавшихся в лесу айзсаргов. Их удар по врагу был настолько яростен и смел, что из восьми айзсаргов только одному удалось сохранить свою шкуру и уйти. Семь трупов остались лежать во мху. Когда же их снова обстреляла еще одна группа врага, они не отказались от боя, а наоборот, сразу же перешли в атаку. И снова одиннадцать предателей остались лежать на земле.

Так, пробивая себе дорогу, бойцы вернулись к вырубке. Пожар бушевал уже во-всю. Раздавался тревожный треск дерева, сверху падали хлопья сажки.

Бойцы нашли тело своего товарища Розита и на этот раз похоронили его без всяких помех в лесу. Приближалось утро.

— Пора в дорогу, если мы хотим до восхода солнца добраться до имения «Роза»... — заговорил Апалупс. — Утром фашисты двинутся вперед, в наступление, и тогда нам не попасть туда.

— Ну что ж, итти так итти... — тяжело вздохнули бойцы. Перед тем как уйти, каждый из них еще раз окинул взглядом темный лес, внимательно прислушался к ночному шуму.

Вяло, как бы нехотя, они двинулись в путь.

Янис Крузе очнулся в густом кустарнике. Огромный папоротник распростер над ним свои узорчатые листья. Он не знал, сколько времени про-

кал без сознания. Кругом было еще темно. Только над вершинами деревьев небо пылало отблесками пожара. Он встал на колени. Правый жек остро ныл от мучительной боли. Янис ощупал го. Пиджак и рубашка взмокли от крови.

«Ранен...—медленно, с трудом всплыла в мозгу мысль. — Один... Был бой... где мои товарищи?»

Он встал на ноги. От резкой боли у него в глазах потемнело и вспотел лоб. Он прислонился к сосне и прижался лбом к шероховатой коре. Когда в голове немного прояснилось, Янис срезал с дерева ветку и сделал из нее для себя палку. Опираясь на нее, он медленно, стиснув зубы от боли, двинулся в путь.

Утро застало его на краю какого-то луга, уставленного копнами сена. Ему все было безразлично: немцы ли застигнут и убьют его, или айзсарги найдут в копне сена. Конечно, могут встретиться и свои люди, честные труженики земли... Эти не предадут.

Он зарылся в стог сена и просидел там весь день с револьвером в руке. Поднимая грохот на дороге, мимо проходили вражьи танки, мчались мотоциклы и бронемшины. На лугу за весь день не показался ни один человек.

Дождавшись темноты, Янис выбрался из стога и медленно направился в сторону отцовского дома. До усадьбы «Дзервитес» было примерно километров двенадцать. При каждом шаге все тело пронизывала невыносимая боль. Сил усталось немного. Но он выдержал. Недаром меноломни Калнциема в свое время закалили волю.

Рано утром старый Крузе направился к загону присмотреть за лошадыю. Поздно ночью домс вернулся Артурс. Бог его знает, где он там пропадает целыми ночами, да еще в такое время. Рассказывал, что накануне немцы побывали на мельнице, расстреляли двух рабочих. Сам мельник все еще прячется в лесу. Трава на заливном лугу выросла до колен, в самую пору и косить. Но ничег не хотелось делать, не было охоты работать, и прекрасный урожай не радовал сердце.

«Что будет, что ожидает нас впереди?..» Все время старый Крузе испытывал такое ощущение, как будто страшный груз давил ему на сердце.

Утренняя тишина покоилась над землей. Над болотом дымился туман, птички еще не щебетали.

Заметив хозяина, старый пес Мунтерс бросился навстречу, зевнул и ласково улыбнулся, точно человек. Собака и хозяин медленно шли по двору — они были здесь единственными живыми существами в этот ранний час. Они свернули мимо скотного двора на клеверное поле и спустились по меже к ручью, где начинался загон. Лошадь тихо заржала, увидев хозяина, и сделала навстречу ему несколько скачков, разом переставляя передние спутанные ноги.

— Подожди, ну, подожди, сейчас получишь, — завел беседу с ней старый Крузе. Он зачерпнул ведро воды из ручья и просунул его между жердями изгороди. Пока лошадь пила воду, крестьянин выбрал из ее гривы застрявший там репей, вытащил впившегося в шею клеща, осмотрел на тертую холку.

Мунтерс зарычал, глядя в кусты, но не залаял. Крузе взглянул туда же. И вдруг его морщинистое лицо расплылось в улыбке.

— Янис, сынок...

В кустах стоял, опираясь на палку, Янис. Бледный, с небритым, щетинистым лицом, слабый, мученный.

— Подойди ближе, отец, — тихо сказал он. — Мне нельзя быть на виду.

Отец поставил ведро, перешел по мосткам через ручей.

— Сынок, что с тобою? Как же это так, разве ты остался?

Только сейчас он заметил пятна засохшей крови на его пиджаке.

— Тебя ранили? Боже мой, надо бежать за врачом!

— Ради бога, только не это, — замотал головой Янис. — Никто не должен знать, что я здесь. Теперь ведь другая обстановка...

Отец растерянно глядел на сына и не знал, что говорить и делать.

— А что, Артуре дома? — спросил Янис.

— Недавно вернулся, сейчас спит, как убитый.

— Я очень прошу тебя, отец, Артурсу ни слова о том, что я здесь. Он не должен об этом знать. — Минуту Янис испытующе смотрел в глаза отцу, потом взгляд его скользнул в сторону. — Об этом я тебя серьезно прошу.

— Не скажу, не скажу. Для чего ему знать, он опять путается с этими людьми. Но как же нам обойтись без врача?

— Рана не из особо тяжелых. Просто потерял много крови — отсюда и слабость. Мне бы недельку спокойно отлежаться, и все бы зажило. Как ты думаешь, где мне лучше укрыться на это время?

— Может быть, в клети?

— Ее немцы обыщут обязательно. Будут нюхать по всем углам. Здесь-то они были уже?

— Нас еще не трогали, но в усадьбах, что на шоссе, вчера побывали. А может быть, тебе перейти в баню?

— Лучше бы где-нибудь за пределами усадьбы, там, где никто не станет искать.

— Что ж, тогда речь может идти только с прошлогодней картофельной яме, тут же позади баньки она, завалена хворостом. Кто не знает, никогда не догадается, что под хворостом яма.

— Да, это, пожалуй, подходит...

— Ни со стороны дома, ни со стороны шоссе ямы не видать. Вот только неудобно там.

— Будет хорошо, отец. Помоги мне перейти через ручей. У меня то и дело подкашиваются ноги.

Янис с помощью отца перебрался через ручей, потом старый Крузе разыскал небольшую лесенку, и помог раненому спуститься в яму.

— Пусть лесенка останется там же. Чтобы зря ее не искать каждый раз. А сейчас я пойду поищу тебе чего-нибудь помягче для постели. Вдобавок, ты, наверное, голоден?

— Только не забудь, отец, уговор: Артурсу ни слова. Марте можешь рассказать, но и ее предупреди, чтобы не говорила брату обо мне.

— Какое горе, какое несчастье... — шептал про себя старый крестьянин. — Один брат лежит раненый, и еще приходится прятать его от другого брата, все равно как от неприятеля. Разве думал я, что они такие разные будут...

За каких-нибудь полчаса отец принес две охапки сухого сена, — оно хранилось еще с прошлого года на чердаке скотного двора, — подушку, одеяло, кружку молока, полкаравая хлеба и немного масла в лубяной коробке. Потом они уговорились, что до самого вечера ни отец, ни Марта не будут подходить к яме.

Старый Крузе расправил кучу хвороста над ямой, подобрал клочья рассыпанного сена и пошел к себе в комнаты. Марта и Артурс еще спали. Рассветало.

«А что, если Мунтерс вздумает сторожить яму? — подумалось старому Крузе. — Собака ви-дела его».

Он вышел во двор, позвал собаку и привязал ее на цепь у дверей скотного двора. Навстречу ему через двор шла Марта с подойником.

— Зачем ты сажаешь на цепь Мунтерса; отец? — удивилась она. — Пусть лучше пес по-бегает.

— Нельзя, дочка. Придут немцы — начнет собака лаять да хватать их за брюки, они ее и пристрелят...

— Да, это верно...

— А кроме того, имеется еще одна причина... подойди ближе.

И он рассказал ей обо всем, предупредив, что-бы она ни слова не говорила Артурсу, об этом просит Янис...

— Не скажу, не скажу. Разве можно! Это все равно, что пойти к немцам и донести на него.

И снова выражение горечи легло на лицо ста-рого Крузе: «Да, уродился сынок...»

По ночам Марта и отец поочередно навещали Яниса, приносили ему пищу, промывали и пере-вязывали рану и сообщали, что слышно в наро-де. Все новые, свежие вести приносил Артурс. Те-перь он вместе с другими айзсаргами целыми дня-ми носился по уезду, хватал и убивал советских работников, комсомольцев и волостных активистов. Как только немцы ворвались в уезд, Артурс стал открыто путаться с ними. Ему разрешили дер-жать при себе винтовку и носить на руке повязку с надписью «Вспомогательная служба».

В усадьбу «Дзервитес» немцы пришли только на четвертый день после возвращения домой Яниса. Немножко оглядевшись и попросив молока, они вскоре ушли, потому что Артурс был дома: раз «свой человек» — пусть еще поживут в покое, Грabitь пока что хватало и в других домах. Можно было не торопиться с «Дзервитес».

Поздно вечером старый Крузе навестил Яниса, поглядел, как сын ужинает, и поделился с ним своим большим горем:

— Моего деда барон выгнал из усадьбы. То же самое случилось и с отцом, как только земля была обработана и приведена в порядок. Теперь сыновья и внуки тех же самых баронов, вековые наши враги, снова гуляют по нашей земле и дорогам. Эх, сынок, сынок, чувствую я, что и мне не придется спокойно пожить на старости лет в собственном доме. Либо выгонят, либо отберут, — зачем же еще они явились сюда? — Он тяжело и глубоко вздохнул, смахнул рукой слезу, скатившуюся по морщинистой щеке.

Глаза старика запылали гневом, зажглись жгучей ненавистью.

— Отнимут у меня, а самого прогонят в лес, как старую собаку. Так оно и будет. Всех, всех их теперь надо истребить, как клопов, — только тогда люди смогут спокойно и мирно жить на свете. Пока проклятый немец силен, другим житья не будет.

— Гитлера разобьют, отец. Поверь мне, что на этот раз он сломает себе хребет. Придет время, вернется Красная Армия и гигантской метлою выметет из нашей страны всю эту нечисть. Кто дождетя этого дня, тот заживет прекрасной и счастливой жизнью. Необходимо все перенести, выдержать, перетерпеть... И твердо верить в нашу победу. Эх, отец, если бы ты вообразил, какая жизнь,

какая красота и радость предстоят еще нам, как покончим с ужасами этой войны!

— Не все дождутся этого. Сейчас еще ничего, а вот придет зима... Тогда опять будет, как в восемнадцатом году. Куда только шагнет немец — там сразу начинается голод и всевозможные несчастия.

В эту ночь Артурс вернулся домой опьяненный своими успехами. Убедившись в том, что отец еще не спит, он начал перед ним хвалиться.

— Напали в лесу на след четырех раненых красноармейцев. На всех осталась одна винтовка. Окружили, вспугнули, и, когда они расстреляли все свои патроны, мы их захватили, как цыплят. Всех уложили тут же на месте. Долго возиться с ними нечего, у нас хватает своих раненых. Потом оцепили Цыганскую рошу и сцапали там двоих красных. Они из Курземе, хотели пробраться к линии фронта. Теперь висят на суку у шоссе. Комендант Бергталь пригласил вечером участников операции к себе на ужин и угостил коньяком. Бергталь — замечательный и тонкий господин. У меня с ним хорошие отношения. В комендатуре теперь что ни вечер — веселье. Вино, коньяк, девушки... Да, немцы умеют жить!

Старый Крузе все больше и больше ужасался, слушая рассказы сына. Если Артурса не спасти вовремя, он окончательно собьется с пути и про падет. Ведь это его родной сын. Нужно с ним поговорить по душам, раскрыть ему глаза. Когда-т Янис имел на него влияние... Что, если бы и теперь Янис поговорил с ним...

Крузе испугался этой мысли. Но она упор снова и снова лезла в голову, не давала покоя жужжала, как навязчивый комар над самым ухом.

Разве Артурс и раньше еще, до ареста бра не знал о том, что Янис читает большевистс

книги и газеты?.. Пусть они ссорятся между собой, но ведь Артурс вовсе не думает предавать своего единокровного брата. Последнее время они как будто и не так рьяно спорили. К тому же без лекарства Янису не поправиться, рана не заживает. Его часто донимает лихорадка. Артурс может достать лекарства...

Несколько дней мысль о примирении сыновей не давала покою Крузе. Янису он боялся сказать об этом. Когда же он глядел в бледное, тонкое лицо сына, его тайное желание все усиливалось.

Он уже больше не мог выдержать этого томления и решился. Однажды утром, пока Артурс не ушел еще из дому, старый крестьянин вошел к нему и все рассказал.

— Обещай мне, что ты ему ничего плохого не сделаешь.

Артурс отвел свой взгляд в сторону и ответил равнодушным тоном:

— Ладно, ладно! Где он сейчас находится?

— В картофельной яме, за баней. Ты постарайся раздобыть ему лекарства.

— Я попробую.

Сейчас же после этого разговора Артурс сел на велосипед и укатил на мельницу. Амолин назначил на сегодня экстренное собрание айзсаргов — очевидно, хочет сообщить что-то важное.

— Где отец? — спросил он, встретив Айю.

— Уехал в комендатуру.

— Разреши мне зайти в его комнату и позвонить по телефону.

— Пожалуйста! Никто тебе не запрещает.

Артурс позвонил в комендатуру и вызвал нескольких членов «Вспомогательной службы»:

— Мне посчастливилось напасть на след круп-

ного зверя. Такого удачного лова у нас еще не было.

Пока не явились вызванные им помощники, Артурс битый час любезничал с Айей. За этим приятным занятием можно было предаваться разным мыслям.

Да, это дельце принесет ему всеобщее признание, и больше никто не будет мешать его счастью. Ведь раньше всякий мог, впопад и невпопад, на каждом шагу тыкать ему в глаза братом. Кого-то они теперь будут вспоминать?

VI

В картофельной яме было прохладно, несмотря на то, что наверху солнце палило во-всю. Приятно вахло сырой землей. Янис большею частью лежал на спине в мягком сене, но иногда он приподнимался и пробовал сидеть, прислонясь к стене ямы. Его не угнетало вынужденное одиночество — к нему он привык за долгие годы заключения. Здесь по крайней мере никто не кричал, не издевался над ним. Тюремные сторожа и надзиратели на карторме в этом отношении были искусные мастера.

Здоровье его постепенно улучшалось. Пуля пробила лишь мышцы, даже не задев ни ребер, ни внутренних органов. Разорванная ткань постепенно срасталась. Рана перестала гноиться и подсыхала под струпьями. Янису прежде никогда не приходилось лежать в больнице, и поэтому он не знал даже, хорошо это или плохо.

Еще неделя — тогда можно будет что-нибудь предпринять. Проще всего стороной добраться до фронта и через линию огня перейти к своим. Но где они сейчас — трудно сказать. Может быть, в северной части Видземе, быть может, в Эстонии, а возможно, и за линией бывшей границы Со-

ветского Союза. Конечно, он вступил бы в ряды Красной Армии и помогал бы ей добиться победы над врагом.

Другой путь тяжелей и опасней, но в данное время он еще нужней. Ведь бороться можно и должно не только на фронте, но и в тылу у противника. Можно развернуть агитационную работу среди жителей оккупированных районов, организовать тайную типографию... Печатать воззвания, прокламации, газеты. Необходимо поднять на ноги всех честных сынов Латвии для беспощадной борьбы с вековым врагом народа. Пусть воекреснет старая легенда времен лесных братьев. Да, многое можно сделать и здесь, на месте! Кто-то должен здесь остаться, несмотря на трудности и опасности. Нет, нет, нельзя уходить.

А что подумают товарищи... на той стороне? Если Апалупс с остальными благополучно выбрался, они сообщат Центральному Комитету партии, и его будут считать погибшим в бою.

Надо будет послать им весточку с надежным человеком... Пусть не беспокоятся, пусть знают товарищи, что Янис Крузе продолжает работать. Возможно, пришлют ему в помощь еще нескольких товарищей, дадут указания по работе, организуют связь.

Он весь горел от нетерпения: скорей бы работать, бороться, честно выполнять свой долг большевика-патриота. Скорее бы выздороветь, скорее вернуться в ряды борцов!

Наверху стал накрапывать дождь. С кучи хвоста падали теплые капли. Янис лег навзничь, натянул на голову одеяло и скоро заенул.

Его разбудили громкие голоса, раздавшиеся тут же рядом, в яме, грубое прикосновение и острая боль в боку. В первое мгновение, раскрыв

глаза, он был ослеплен ярким дневным светом: кучи хвороста над ямой уже не было.

— Руки вверх! — заорал кто-то, поднося все ближе и ближе к лицу Яниса револьвер.

И пока он лежал так, навзничь, с поднятыми вверх руками, айзсарги щупали карманы его брюк, вытащили из кармана пиджака револьвер, документы, рылись в сене. Собрав все вещи Яниса, они подняли его на ноги и приказали одеться.

— Сейчас же выбирайся из ямы! — закричал на него тот самый айзсарг, который угрожал ему револьвером. Янис узнал сына волостного старшины Клавсона.

— Ну, живее, живее, нечего возиться — поворачивайся!

«Провал... Разнюхали... — горькая догадка жгла мозг. — Точка, конец всему. — Он вздохнул. Было обидно за неоконченную работу, обидно, что никто уже не узнает, как он погиб. — Не заснул бы давеча, по крайней мере ухлопал бы парочку молодцов. Даром не дался бы им в руки. А сейчас... всему конец».

Выбравшись из ямы, Янис увидел Артурса. На одно лишь мгновение взгляды их встретились. Артурс сжал губы и сделал сердитое лицо. Горько усмехаясь, Янис продолжал в упор смотреть на брата.

— Иуда-предатель... Много ли они тебе заплатили?

Щеки Артурса дрогнули, он отвернулся и быстро заговорил, отдавая распоряжения остальным молодчикам.

— Ведите его к телеге, тут же, через луг. На двор усадьбы нечего заходить. Клавсон! Ты отвечаешь за него.

— Все будет в порядке! — и сын кулака лихо

вздернул голову, бросив на Яниса презрительный, насмешливый взгляд.

— Ну, что ж, пойдём, «товарищ секретарь». Да, да — всяко бывает в жизни. То ты вроде как царь и господь, словом — барин, то вдруг становишься просто вонючим навозом. Слышишь ты? — его голос внезапно стал резким и визгливым. — Нечего оглядываться назад! Словно лошадь за овсом тянется!

Янис, не обращая внимания на угрозы, продолжал оглядываться назад, на двор усадьбы «Дзервитес», на серые крыши, на колодезный журавль посредине двора и на людей, стоявших на крыльце и глядевших вслед ему. Он не мог разглядеть выражения их глаз, он видел только высокую сгорбленную фигуру старого отца и стройный стан своей сестры, одетой в красное платье. Они стояли рядом, словно застывшие, и молча глядели на него.

— Прощай, отец! Будь здорова, Марта! — крикнул Янис, махая им рукой.

Возможно, что они и не слышали его слов, но взмах руки ясно увидели. И медленно, словно поднимая огромную тяжесть, поднялась рука отца, устало махая, передавая сыну прощальный привет; маленькая же, мозолистая от работы рука сестры Марты трепетала в воздухе, как светлый дрожащий листочек.

— Веди его скорей, довольно здесь паясничать... — раздался позади голос Артурса.

На дворе все это время не переставая лаял привязанный на цепи старый пес Мунтерс.

Узнав, кем является арестованный, комендант Бергталь высказал мнение, что Яниса следует направить в Ригу. Такая важная птица могла заин-

тересовать даже руководство гестапо. И в то же время ему не хотелось огорчать старательных пособников, чьи услуги, без сомнения, понадобятся. В недалеком будущем, когда население начнет ощущать все блага «нового порядка», эти молодчики пригодятся для дела. Понятно, что Янис Крузе не избежит своей судьбы и в Риге, но знать, что его повесили где-то на дворе центральной тюрьмы, совсем не то, что расправиться с ним здесь, на месте, собственными руками и на собственных глазах. К тому же он старый, опытный и закаленный коммунист, восемь лет проведенный в заключении, а от такого никогда и нигде не добьешься показаний, даже если допрос поведут самые испытанные мастера охранки.

И комендант Бергталь решил, что лучше доставить удовольствие своим верным цепным собакам, как называл он айзсаргов. Пусть они сами судят его.

Со связанными за спиною руками стоял Янис посреди комнаты, а на него со всех сторон глядели шесть хищных, кровожадных, звероподобных существ. Одни глядели на него с циническим бесстыдством, другие тайком, исподтишка, словно стыдясь проявления своей радости.

— Напрасно вы меня допрашиваете, — сказал Янис. — Мне нечего вам сказать, ничего вы от меня не услышите. Не теряйте зря времени.

— Нам некуда спешить, — огрызнулся молодой Клавсон. — Это ты, может быть, торопишься?

— Я думаю, что он многое мог бы сообщить нам, — проговорил Амолин. — Ребята, помогите «товарищу секретарю» вспомнить обо всем. Где его ранили? Где остальные красные — его товарищи? Кто еще остался в подпольи, и где они? Кто из тайных агентов работал у них раньше, и кого они оставили здесь перед своим уходом? Кто

из крестьян в уезде является их сообщниками союзниками и помощниками?

— Напрасно разоряешься ты, жирная свинья,— словно плюнул Янис в лицо Амолину. — Коммунисты не выдают своих. Мне не о чем с вами разговаривать.

Амолин уже готов был вскочить, раскричаться но во-время вспомнил, что врачи запретили ему волноваться, поэтому сдержался и только побелевшими от злости глазами взглянул на пленника. Может быть, Крузе нарочно старался его рассердить, может, он знает, что у него слабое сердце. Нет, этот номер тебе не пройдет! Амолину достаточно было и того, что он видел, как избивали Яниса Крузе. Ведь молодой Клавсон так ударил его кулаком в лицо, что у арестованного несколько зубов вылетело, изо рта пошла кровь. Правда, он даже не застонал, молча перенес издевательство.

— Хватит! Давайте выносить решение. Что вы предлагаете, господа?

— Повесить, о чем же тут толковать? — отозвался Клавсон.

— Остальные как? — Амолин оглядел всех присутствующих. Некоторые из них тихо, другие явно бравируя высказались за предложение Клавсона.

— А ты как думаешь? — спросил Амолин Артурса. — По сути дела ты, как брат арестованного, мог и не принимать участия в заседании суда, но если уж ты остался... Как ты смотришь на наше решение?

Артурс чувствовал на себе твердый, полный презрения и отвращения взгляд брата. Неизвестно отчего, ему вдруг сделалось нестерпимо жарко, но он постеснялся вынуть носовой платок и ладонью вытер пот со лба. Ему взбрела на ум странная мысль: когда он был еще совсем маленьким маль-

ишкой, Янис вырезал ему новые свистульки из зовой коры, мастерил берестяные коробки для емляники. Янис всегда делился с ним собранной годой. А вот сам он, Артурс, ни разу не поделился своими ягодами с братом. Отчего эти глупости вдруг приходят в голову?.. Да еще в такую еррезную минуту. Айя... Ему казалось, что Айя сейчас рядом с ним, здесь, на суде, глядит на него и ждет, что он скажет... Она усмешается при виде его смущения, ведь смешно, когда мужчина не умеет притворяться. Айе нравятся только смелые и мужественные люди. Сейчас ей, пожалуй, больше понравился бы Янис, несмотря на то, что он коммунист. И снова эти свистульки, свирели, берестяные коробочки с ягодами... «На, попробуй моих ягод».

— Почему же я не должен участвовать? — внезапно выкрикнул он. — Разве я хуже других? Чья заслуга в том, что его, наконец, поймали?

— Извини, пожалуйста, никто не хочет лишать тебя твоих прав и заслуг в этом деле, — спокойно произнес Амолин. — Каково же в конце концов твоё мнение?

— Клавсон об этом как будто уже сказал, — пробормотал Артурс. Упорный и настойчивый взгляд Яниса приводил его в бешенство. Как могут иногда жалить и жечь человеческие глаза! — Можно повесить, можно расстрелять. Как удобнее для вас...

— Большинство за повешение, — сказал Амолин. — Я тоже думаю, что так будет удобнее. Решено.

На этом заседание кончилось.

— Посмотрите кто-нибудь, не стемнело ли уже на дворе, — Амолин кивнул на дверь: в комнате все окна были закрыты ставнями.

— Сейчас взгляну, — услужливо отозвался

Артурс, направляясь к двери. Ему пришлось отвести взгляд от пола и встретиться глазами с Янисом. От взгляда старшего брата мурашки пробежали по его телу.

И вдруг Янис плюнул ему в лицо — кровью вместе со слюной. Артурс покраснел, выпрямился, занес руку для удара, но тут же снова осел, сгорбился и вытер ладонью лицо. Вдоль всей щеки, вплоть до уголков рта, по лицу Артурса протянулась красная полоса — след выплюнутой Янисом крови. Айзсарги переглянулись, ухмыльнулись и подмигнули друг другу, но никто ничего не сказал.

Яниса Крузе повесили на опушке леса, там же, где неделю назад были повешены двое бсженцев из Курземе. Роль палача исполнял молодой Клавсон, но в рытье могилы принял участие и Артурс.

Когда палач стал накидывать на голову Янису Крузе петлю, тот выпрямился во весь рост, и лесную тишину нарушил звонкий и мужественный голос:

— Напрасно радуетесь, предатели! Завтрашний день принадлежит нам! Мы победим. Народная ненависть и презрение — вот вам награда на все будущие времена. Да здравствует борьба трудящихся за свое освобождение! Да здравствует Красная Армия! Да здравствует товарищ Сталин! Смерть немецким оккупантам и вам, кровавым убийцам...

В эту минуту петля захлестнула его горло...

Зарыли его тут же, у опушки, на песчаном пригорке под сосною, а землю на могиле заравняли. После этого палачи и убийцы вскочили на свои велосипеды и поспешили домой, как будто после повседневной работы.

У молочной фермы Амолин слез с велосипеда.

— Зайдемте — освежимся и подкрепимся!

Они выпили два пол-литра водки. Артурсу Амолин завернул еще одну бутылку, на случай, если нервы начнут шалить.

— Возьми себя в руки — все обойдется, — подбадривал мельник Артурса при прощании. — Все равно с этим делом надо было кончить. А ты у нас — герой хоть куда!

Эта похвала несколько подбодрила Артурса. На самом деле, что же тут страшного? Они судили очередного коммуниста... одного из многих. Чем вся эта история отличается от подобных же случаев? Разницы никакой.

По дороге домой Артурс два раза слезал с велосипеда и прикладывался к бутылке. Прав Амолин — это помогает и облегчает. Мельник всегда знает, что делать, как поступить.

VII

Артурс неслышно поставил велосипед в передней, прислонив его к стене. С минуту он прислушивался. Время уже было позднее, около полуночи, в этот час в усадьбе обычно спали. Но за стеною не слышно было мощного храпа отца. Казалось, весь дом прислушивался к тишине, затаив дыхание, а темнота казалась напоенной каким-то таинственным ожиданием.

— Чего там еще раздумывать... — Артурс расправил плечи, нащупал в кармане бутылку и снова приложился к горлышку. Одним залпом он опустошил ее и, пошатываясь, шаркая подошвами, подошел к двери, резким движением, чтобы не скрипела, повернул ручку, переступил порог. Дверь в переднюю он оставил открытой.

В углу возле печки сидел отец, перегнувшись вперед всем туловищем, опершись локтями на колени и обхватив голову руками. Он не пошевелил-

ся, не повернул головы, но его потемневшие глаза застывшим, глубоким взглядом провожали Артура. Куда бы тот ни повернулся, этот странный взгляд преследовал его.

Отец ни о чем его не спрашивал.

Артур повесил на стену винтовку, снял ботинные сапоги, вытряхнул из них сор и поставил их под кровать. Он сделал вид, что не замечает отца, и, не глядя в сторону печки, продолжал раздеваться. Он торопился улечься в постель. Когда одеяло будет натянуто на голову, можно притвориться спящим и не отвечать. Но в ту минуту, когда он положил на стул свои кавалерийские брюки—рейтузы, — старый Крузе поднялся, подошел к столу.

— Где Янис? — спросил он, не спуская глаз с лица Артура. Подозрения, колебания, мучительная боль, отчаянье и надежда — все это сосредоточилось во взгляде старика-крестьянина.

Артур пробормотал что-то невнятное и подвинулся ближе к кровати.

— Где ты оставил Яниса? — снова остановил его голос отца.

Разгорячившись после выпитого, Артур еще продолжал храбриться: он вскочил на ноги, подбежал к отцу и вызывающе процедил сквозь зубы:

— Он получил то, что заслужил! — И, передразнивая отца, протянул: — Где остался Янис... Хе, хе...

Руки отца вяло повисли вдоль тела. Но вдруг — словно невидимая пружина сжала его пальцы в кулаки — он поднял левую руку, приложил к груди. Голос его как будто потерял звучание. Страшным и словно насильно вырванным мучительным шопотом он спросил:

— Что ты сделал с ним? Говори!

— Его повесили, вот и все. А ты что думал, что мы ему свадьбу устроим?

— И ты до этого допустил? Собака! — словно хлыстом разрезал воздух полный боли и угрозы крик, вырвавшийся из груди старого крестьянина. — Ты сам его увел отсюда, сам предал в руки палачей.

Он не плакал, он только быстро и тяжело с хрипом дышал. Артурс, отвернувшись в сторону, исподтишка наблюдал за отцом. И внезапно, словно удар грома, прогремело над его головой:

— Каин! Предатель проклятый! Уходи из этого дома! Вон! Чтобы мои глаза тебя не видели! Неужели ты сам не чувствуешь, что заражаешь воздух своим смрадом?

Артурс рассердился, от ярости он скривил рот, прищурил глаза и прошипел:

— Если ты сейчас же не успокоишься, я вынужден буду отправиться в комендатуру и сообщить Бергталю, что ты прятал коммуниста в картофельной яме. Тебя оставили в покое благодаря мне, если ты не уймешься, я поступаю так, как мне велит долг. Запомни это. Шутить я не стану.

Только сейчас старый Крузе понял, что он все время разговаривал со зверем и этот зверь способен его растерзать... Нет, со зверем нечего и разговаривать, у него нет души. Он жаждет только крови.

Со зверем надо бороться, его надо уничтожить, истребить.

Он весь как-то осел, взгляд его погас, руки вяло повисли вдоль тела. Тяжелыми, медленными шагами старый Крузе добрался до печи и присел на выступ ее.

Тем временем Артурс улегся на кровать, накрылся одеялом, повернулся лицом к стене. Он сразу же уснул. Старый Крузе долго глядел на

него. Страшная жалость сжала его сердце. Какое великое горе... Да, он должен был послушаться Яниса... Он сам, он один виноват. По его вине Янис попал в руки палачей. Яниса больше нет... никогда больше не будет... Его дорогой, любимый сын, его гордость, украшение всей его жизни, лежит где-нибудь на краю дороги, как пес.

Мир опустел для старого Крузе, его окружала черная и выжженная пустыня.

А в кровати лежит зверь, опьяненный кровью зверь...

Зверя уничтожают... Иначе он разорвет и тебя и многих других... Нельзя допустить, чтобы зверь продолжал неистовствовать. Кровь Яниса зовет к отмщению.

Старый Крузе встал и тихо вышел в переднюю.

Марту разбудил короткий и глухой шум. Она услышала чьи-то тяжелые шаркающие шаги за стеною, в комнате отца, закрипела наружная дверь, потом все стихло. Июльская ночь была жаркой и душной. Марта приподнялась, сидя в постели, раскрыла окно. Струя свежего воздуха ворвалась в комнату. На дворе завывала собака.

— Замолчи, Мунтерс! — пыталась она тихим и заглушенным голосом успокоить собаку. Пес на время замолчал, потом снова завыл.

— Отец, почему ты не ложишься спать? — спросила Марта через стену. Отец не ответил, да и в комнате его ничего больше не было слышно. — Ты спишь уже, отец? — спросила она еще раз.

Глубокая тишина во всем доме. За стеной не слышно дыхания спящего. И хотя кругом все было тихо, Марте показалось, что в этой ночной тишине чего-то нехватает. Как будто вдруг остановились стенные часы, прекратилось их тиканье.

Марта встала, накинула на плечи летнее пальто и тихо-тихо, ступая на носки, вышла в кухню. Из комнаты отца и брата через замочную скважину пробивался свет. Марта тихо постучала в дверь. Никто не отозвался. Она робко приоткрыла дверь.

Она даже не вскрикнула. Крик ужаса и отчаянья застрял у нее в горле, внезапная судорога сжала его клещами.

На кровати с рассеченною головою лежал Артурс. Он был мертв. На полу, рядом с кроватью, валялся окровавленный топор.

Во дворе все еще выла собака.

О П А С Н Ы Й   Р Е Й С

Осенью, когда западный ветер гонит в залив волны с открытого моря и дождевые тучи идут низко-низко, темными, лохматыми грядками чуть не касаясь белых гребней валов, побережье становится неприветливым, холодным и угрюмым. Но никогда еще Тенису Урге родной берег не казался столь мрачным и пустынным, как в этом году.

Здесь он родился и вырос, весь его суровый и тернистый жизненный путь, все события прошлого были связаны со здешними местами. Семьдесят долгих лет, прожитых в тяжелом труде и нужде... Сотни раз морской ветер заносил песком тропинки, протоптанные меж дюн человеческой ногой, и сотни раз рыбаки протапывали новые — от серых деревянных лачуг на опушке леса к берегу моря. Молодые деревца на глазах у Тениса выросли в большие деревья, — а многие из них прижились ему ровесниками, такие же серые, сторбанные и корявые, как он сам. Но сейчас ему

казалось, что он живет в чужом мире и все здесь странное, незнакомое, полное угрозы и томительной неопределенности.

Но, может быть, ничего такого и нет, просто он сам постарел и изменился?

Может быть.

Лачуга Тениса Урги находилась у северной окраины поселка. Прежде она стояла, вплотную прижавшись к другим рыбацким домам, но когда ветхие, покосившиеся хибарки стали разваливаться одна за другой, рыбаки младшего поколения уже не старались восстанавливать их. Нет, молодежь стала строиться на противоположной окраине поселка, где пролежала грунтовая дорога. Один только Тенис Урга продолжал чинить и подправлять свое старое жилье и так, с течением времени, все больше отдалялся от других, становился все более одиноким посреди дюн, — сейчас от ближайшего соседа его отделяло уже шагов триста.

Тому были свои причины. Во-первых, Тенис не ладил с этим самым молодым поколением, не то что многие из его старых друзей. Правда, он вырастил двух сыновей и дочь, но у каждого из них была своя собственная судьба. Старший сын погиб в первую мировую войну, не оставив детей. Младшего сына расстреляли немцы во время оккупации 1918 года: он был большевиком и организовал отпор захватчикам. Он покоился тут же, на опушке леса за дюной, в поросшей жесткой травой могиле. Больше никакие растения там не выживали, морской ветер затягивал холмик белым песком.

Да, Вольдемар был любимый сын Тениса Урги, смелый, стойкий парень, горячий в работе и бесстрашный в борьбе. Там, где другие теряли смелость и веру, он рвался вперед. Глаза у него сверкали, когда он слушал рассказы отца о пятом

где. Он восхищался отважными борцами за свободу, которые восставали против царского самодержавия и черной власти помещиков, с юношеским бесстрашием смотрели в глаза смерти, стоя под виселицей, пели песни борьбы и с гордо поднятыми головами шли в изгнание, на каторгу. Сам Тенис в то время принимал участие в революционных выступлениях, посещал собрания и пел новые, гордые песни, возвещавшие наступление справедливости и свободы, — за это карательная экспедиция впоследствии подвергла его порке.

И вот в 1918 году немцы расстреляли Вольдемара. Тенис похоронил любимого сына в песках дюн (хоронить на кладбище пастор не разрешил) и стал воспитывать своего малолетнего внука, оставшегося круглым сиротой: жена Вольдемара в 1919 году ушла с красными стрелками в Россию и в гражданскую войну умерла от тифа. Маленькому Эмилю в то время еще года не было, так что родителей он совершенно не помнил.

В 1928 году умерла подруга жизни Тениса — Лисне Урга, и он остался вдвоем с внуком.

Эмиль рано научился грести, править рулем, забрасывать сети в открытом море и работать с подпуском. Зимой он учился в начальной школе, а с весны до осени помогал деду в рыбной ловле. То, чему парнишку не научила школа, он усваивал от старого деда, впитывая его рассказы о пятом годе и недолгой, бурной жизни отца.

Летом 1940 года, когда пала фашистская власть Ульманиса, впервые на протяжении долгих лет Тенис Урга почувствовал, что и в его жизни наступил праздник, а Эмиль — уже взрослый парень, — тот с головой окунулся в строительство нового. Это было наградой Тенису Урге за все страдания, за смерть сына, за тяжелое и мрачное прошлое. Претворялось в жизнь то, за что погиб

Вольдемар. Маленький человек, порабощенный и униженный, мог, наконец, свободно перевести дыхание.

Рыбаки, которых раньше обирали жадные перекупщики, впервые стали получать справедливую плату за свой улов. Прямо удивительно, сколько мог теперь зарабатывать человек! Люди в течение года успели погасить долги, в которые их загнала многолетняя нужда, а главное они были избавлены от заботы о завтрашнем дне, о куске хлеба и о судьбе своих детей.

И вдруг разразилась война.

Над родиной и народом Тениса опустилась черная ночь. Вот когда чужим и мрачным показалось Тенису родное побережье. Словно в мир проникла волна чужого воздуха, насыщенного ненавистью и смертью. Небо стало серым и неприветливым, природа поникла, и люди начали задыхаться. Рука жадного грабителя протянулась к плодам сурового труда латышей. Злостью и кровожадностью веяло от нахлынувшей орды чужеземцев.

Все дальше отодвигался грохот сражений. С надеждой и глубоким болезненным волнением прислушивался Тенис к отголоскам борьбы. Он не мог поверить, что люди допустят торжество этой злой силы. Тогда всему конец, тогда не зазвучит больше в мире смех, мрак и ледяной холод умертвят всю радость, всю красоту жизни.

Вести, доходившие до Тениса, говорили, с каким героизмом и стойкостью защищают советские люди свою страну и свободу. То была страшная борьба, трудная и кровопролитная. Тенис непрестанно думал о ней, и ему казалось, будто он видит дорогого, близкого человека в смертельной схватке с диким зверем. Коварный хищник, неожиданно набросившийся на него сзади, стремится

его растерзать, а человек сильной рукой сдвинул глотку зверя и не отпускает его. Зверь яростно мечется и терзает тело человека, но человек крепко держится на ногах, не падает. И Тенис понял: за все то добро, какое сделал ему этот человек, он обязан притти ему сейчас на помощь, отблагодарить делом, оказать услугу, быть ему полезным. Совесть и воля твердили, что он не смеет взирать на борьбу со стороны.

Но как это сделать?

Молодые ушли с бойцами. Многие поступили, как Эмиль: ушли в леса и с оружием в руках охотились за зверем, выслеживая его, где бы он ни появлялся. Но что мог сделать седовласый старик, стоящий одной ногой в могиле?

Тенис долго ожидал часа, когда судьба призовет его. Иногда, после нескольких недель отсутствия, в доме появлялся Эмиль, рассказывал о своем партизанском отряде и, захватив с собой запас продовольствия, вновь исчезал на долгое время.

Тенис чинил сети и думал, что он отделяется мелкими услугами в такое время, когда каждый честный человек должен отдать себя всего целиком великой борьбе. Он был готов пожертвовать всем, а никто ничего от него и не требовал.

Наступила осень с ливнями и бурями. Жесткая трава на могиле Вольдемара грустно шуршала под ветром.

И наконец Тенис Урга дождался своего часа.

Темная ветреная ночь была на исходе, когда в ставень легонько постучали. Тенис Урга спал чутким сном: накануне вечером снова пришел Эмиль. Старый рыбак мгновенно проснулся, приподнялся на кровати и стал прислушиваться. Когда стук повторился, он ошупью в темноте добрал-

ся до постели Эмиля и, коснувшись плеча внука, прошептал:

— Эмиль... сынок, слышишь? Кто-то стучится.

Теперь прислушивались оба. После недолгой тишины в ставень снова постучали.

Эмиль поспешно и бесшумно оделся, привел в готовность трофейный автомат и встал в углу за печкой против двери.

— Погляди, дед, что там такое... — сказал он шопотом.

Тенис вышел, Эмиль слышал за дверью приглушенные голоса. Немного погодя дед вернулся.

— Какой-то флотский, из русских. Говорит, будто бежал через залив с эстонских островов. Просит помочь ему. Думаю, надо что-нибудь для него сделать. Как ты полагаешь, сынок?

— Если наш, так обязательно надо помочь. Он один?

— Больше никого не видно.

— Зови его в комнату да зажги огарок, посмотрим, кто он такой.

Тенис вышел и тотчас вернулся, пропустив вперед пришельца. Когда свечка была зажжена, Эмиль увидел изможденное, обросшее щетиной лицо, воспаленные глаза и покрытый засохшей грязью бушлат краснофлотца. Не выпуская из рук автомата, Эмиль вышел на середину комнаты.

— Документы есть?

Незнакомец вздрогнул, и несколько мгновений они смотрели друг другу в глаза — двое преследуемых, окруженные опасностями люди. Но что-то заставляло предполагать в пришельце своего. Не спуская глаз с Эмиля, он достал из внутреннего кармана бушлата бумажник, извлек из него маленькую книжку в коленкоровом переплете и подал партизану. Это был партийный билет.

— Все в порядке, товарищ Ковалев, — произ-

нес Эмиль, ознакомившись с документом. — Вы находитесь у своих.

Молча, с дружеской улыбкой, они пожали друг другу руки. Спрятав партийный билет в карман, моряк рассказал, как он попал в поселок.

— Наш отряд нес службу береговой обороны на острове К. Там были аэродром и несколько батарей береговой артиллерии. Когда фашисты напали на остров, мы долго сопротивлялись, не давали десанту высадиться на берег. Но в конце концов нам пришлось отступить. Их было куда больше, да к тому же фашистская авиация вывела из строя наши батареи. И боеприпасы кончились. Тогда все мы, кто остался в живых, отошли в центральную часть острова — пытались прорваться. Несколько дней назад нам удалось раздобыть рыбацью лодку. Вечером, с наступлением темноты, мы, двадцать человек, отправились в путь и вот, полчаса тому назад, достигли берега. Меня послали в разведку — выяснить, где мы находимся и каким образом пробраться отсюда к своим.

— Где же остальные? — спросил Эмиль.

— Здесь они, в дюнах. Ваш домик окружен со всех сторон. Если бы со мною что-нибудь случилось... — он улыбнулся.

— Правильно, — сказал Эмиль. — Действовать нужно осмотрительно. Но на этот раз зам просто повезло. Ничего страшного, конечно, не произошло бы, если бы вы попали в какой-нибудь другой дом, но там везде женщины, дети. Могут проболтаться.

— Нас привлекло то, что домик стоит отдельно, в стороне. Легче выбраться, если что и случится.

— Как у вас с продовольствием?

— Мы уже несколько дней ничего не ели...

Эмиль переглянулся с Тенисом.

— Как ты полагаешь, дед?

— Думать тут нечего. Надо накормить людей. Я поставлю на огонь котел с картошкой. Придется сварить трески. А ты тем временем взгляни, как обстоит с их лодкой. Староста увидит, сейчас же начнет допытываться, что и как. Следовало бы спрятать ее в дюнах. Там сейчас никто не бывает.

— Правильно, дедушка. Это необходимо сделать затемно. Пошли, товарищ, — кивнул Эмиль краснофлотцу. — Пока тут дед приготовит поесть, мы спрячем лодку.

Они ушли. Тенис принес картошки, рыбы и начал стряпать. Давно он не чувствовал себя таким бодрым и веселым, как в это утро. Жизнь его приобрела теперь подлинное, ценное содержание. Теперь он может, наконец, помочь великому делу! Если он спасет этих двадцать бойцов, они потом уничтожат не один из немецких гарнизонов, разбросанных по всей стране. Гитлеру придется заменять выбывших другими, вместо того чтобы послать их на передовую линию. Хоть небольшое, а все-таки будет облегчение на каком-то клочке фронта.

Несмотря на то, что двадцать краснофлотцев были измучены до крайности, лодку все-таки перенесли в дюны и спрятали там в кустарнике. Сейчас, в осеннюю пору, никто в эти края не заживал. Сами краснофлотцы укрылись в лесу. Эмиль и еще несколько человек ждали Тениса в дюнах, неподалеку от дома. Спустя некоторое время старик принес туда вареной картошки и рыбы. Потом Тенис отправился в поселок, побеседовал с соседями о лове и как бы невзначай показался старосте Леднику. От соседей он узнал, что Ледик в этот день собирается ехать в комендатуру, — повидимому, для получения новых инструкций. Собачья служба — следить за каждым человеком и

доносить обо всем немцам. Купили его мелкими подачками — табаком, сахаром. И он сам знает, что все жители поселка отвернулись от него. Знает и, видать, не особенно хорошо себя чувствует. Постоянно ходит пьяный, как стелька... Разумеется, не от хорошей жизни это. Однако остерегаться его необходимо.

После полудня, когда нужно было отвести краснофлотцам обед, в лес отправился сам Тенис Урга. Все они годились ему во внуки, хотя по изможденным, обветренным и давно небритым лицам им можно было дать значительно больше.

Они обсуждали план дальнейших действий. Эмиль согласился вывести их глухими лесными дорожками и болотными тропинками к своему партизанскому отряду. Но на острове остались еще сорок человек. Как быть с ними?

Тенис прислушивался к их разговорам и раздумывал. Здесь оставалась их лодка... Если на ней могли один раз перебраться через залив; то почему не проделать этот путь еще раз? Но сорок человек за один раз не перевезешь. И как это двадцать человек решились отправиться в море на этакое судно? Чистое безумие. В нее можно посадить, ну, скажем, человек двенадцать-тринадцать. Если бы ночь выдалась поненастнее, неизвестно еще, чем бы дело кончилось.

У Тениса была большая лодка, на которой он ходил в открытое море. Он еще не выгачил ее на зиму, и паруса не убрал. При хорошем боковом ветре можно было за ночь добраться до острова. А назад? По его расчетам, на операцию требовалось несколько дней. Ледик непременно заметит, что лодки нет, — ведь в его обязанности входит следить, когда та или другая лодка уходит в море и когда возвращается. На лов в открытое море теперь никто не выезжал. «Где был? — спросит. —

Зачем отправился в море без предупреждения? Ясно, что отвечать будет нечего. И не менее ясно, что последует за этим. Немцы долго разговаривать не станут. Если им что не нравится — на сух или три пули в ребра.

Тенис Урга ясно отдавал себе отчет в том, что его ожидает, но не это волновало его сейчас. Главное, удалось бы переправить через залив и доставить в безопасное место сорок ценных бойцов, которым сейчас грозит гибель. Что ж, он готов заплатить за это головой. Вот это будет уже не мелкая услуга, какими он до сих пор платил советской родине за все, что она дала ему. Это будет нечто настоящее, полноценное. Ради этого имеет смысл жить... и умереть. Не стыдно будет покоиться рядом со своим любимым сыном в песках дюн.

И Тенис Урга, раскурив трубочку, попросил выслушать его.

— Сынки... Я думаю, нужно сделать так...

Двадцать юношей и мужчин обступили плотным кольцом седого деда и слушали его с глубочайшим вниманием.

— У меня большая лодка. В ней могут поместиться человек тридцать и даже больше. Есть мачта и парус. Вы останетесь здесь до вечера, как стемнеет, отнесете обратно на берег и спустите на воду свою лодку. Один из вас, кто лучше знает дорогу к тем, что остались на острове, поедет со мной. На двух лодках мы за один раз всех перевезем.

— Дедушка... — мягко, взволнованно заговорил Эмиль. — В таком случае, уж лучше поеду я.

— Ты проведешь товарищей к своим, — сказал Тенис. — Постарайся только поскорей вернуться, ведь потом и тех, которые приедут, нужно будет проводить.

— А если на море с вами что-нибудь случится?

— Так и с тобой может случиться. А кто же тогда проведет товарищей через леса и болота? Так-то. Я сейчас пойду домой и поставлю на огонь котел. Тем, на острове, тоже надо отвезти чего-нибудь поесть.

Краснофлотцы один за другим подходили к старику и с благодарностью пожимали руку. Тенис Урга слегка смутился.

— Вот это дедушка!.. Ну и дедушка... — говорили они, провожая Тениса глазами.

...Как только стемнело, краснофлотцы перетаскивали свою лодку назад к берегу и спустили на воду. Они помогли Тенису перенести парус и продукты для оставшихся на острове товарищей. Маленькую лодку привязали канатом к большой. С Тенисом отправился Королев.

Оставшиеся на берегу долго наблюдали, как темные лодки скользили по воде. Вот они прошли за вторую отмель. Широко развернулся серый парус, ветер надул полотно, и лодки исчезли в ночной тьме.

Эмиль долго всматривался в потемневший простор моря. Луна еще не взошла. Пенясь, с рокотом набегали на прибрежный песок волны — они катились наискось, с севера на юг. Холодный ветер обжигал лицо. Наконец Эмиль повернулся.

— Ну, тронемся.

Небольшой отряд направился в лес.

Среди дюн одиноко темнела лачуга Тениса Урги.

Спустя три дня, ранним утром, Тенис Урга повел свою лодку к берегу, километра на два севернее поселка. У маленькой лодки краснофлотцы

пробили дно, нагрузили ее камнями и утопили в полуклометре от берега. Пользуясь оставшимся в их распоряжении часом темноты, они налили водой и большую лодку, сняли с нее якорь, паруса и мачты и оставили ее без привязи между первой и второй отмелью. Они помогли Тенису доставить парус домой.

Благодаря попутному ветру, до острова добрались в первую же ночь, и Королев быстро, без всяких затруднений разыскал своих товарищей. Спрятав лодки среди камышей в устье небольшой речки, они дождались вечера и с наступлением темноты пустились в море.

Плыть приходилось наискось, против ветра. Лодки дрейфовали, отклоняясь от курса, и каждые полчаса нужно было делать проверку. К рассвету им удалось достигнуть только середины залива. Нечего было и думать пристать к берегу днем. Тенис спустил парус и мачту, и весь день они качались среди волн. Чтобы ветер не отнес лодки слишком далеко на юг, двое все время оставались на веслах. К вечеру они очутились так близко от берега, что могли различить над линией горизонта на востоке шпиц церковной колокольни. За третью ночь они проделали оставшуюся часть пути.

Весь следующий день Тенис провел со спасенными в лесу: хотелось дождаться Эмиля и самолично убедиться в том, что и второй отряд уходит верной и безопасной дорогой.

Он наполнил два мешка картошкой, выловил из бочки оставшуюся соленую треску и предложил краснофлотцам взять все это с собою в лес.

— У тебя самого-то ничего не остается, де-душка, как ты проживешь до весны?..

— Обо мне не беспокойтесь, — ответил Тенис. — У меня есть еще полбочонка салаки, а в

дюнах зарыто мешка два картошки. Много мне, старику, нужно.

Расположившись на траве у лесной опушки, Тенис время от времени посматривал в сторону моря и на свою лачугу вдали. Два раза за этот день он видел, как к домику подходили люди — человек пять или шесть... Обойдут кругом, постучатся, заглянут в окно, облазят все углы и уйдут обратно в поселок. Ну, конечно, разнюхивают... что-то почуяли. Ждут...

Краснофлотцам Тенис ничего не сказал о своих наблюдениях. Пусть отдохнут, им еще предстоит дальняя дорога, — нечего тревожить их чужой заботой.

...Под вечер возвратился Эмиль. Первая партия благополучно добралась до базы партизанского отряда и временно осталась там, а Эмиль немедленно поспешил обратно. Он был готов, не отдыхая, снова отправиться в путь.

Отдыхавшие краснофлотцы повскакали на ноги, взяли винтовки и построились. Эмиль подошел к деду.

— Дедушка, нам пора двигаться.

— Идите, сынки, идите, — сказал Тенис. — Вас ждет работа. Одно я хочу внушить вам накрепко... — он покряхтел, как бы подыскивая слова. — Не кладите оружия, прежде чем наша земля не будет очищена от последнего немца... Это сорняки... нельзя давать им разрастаться, пускать корни, — они заглушат у нас все доброе и хорошее. Надо искоренить их поскорее, пока они не порубили всех честных и порядочных людей. Торопитесь, сынки, торопитесь... ведь вы наши единственные защитники и спасители.

— Исполним, дед, все исполним. Такую баню зададим этим грабителям, что им тошно станет. Но ты должен пойти с нами. Мы не допустим,

чтобы ты остался здесь. Они тебя прикончат — это определено.

— Нет, сынок, не могу я итти с вами. Человек я старый, от ревматизма кости ломит: ни бежать, ни нагнуться. Я буду вам только обузой на шею, а нужно, чтобы руки у вас были развязаны. Ступайте и делайте свое дело. Обо мне не беспокойтесь — уж я как-нибудь...

Никакие уговоры не помогли: Тенис не хотел связывать бойцов. Он старался их убедить, что все может обойтись благополучно. Он скажет Ледику, что искал свою большую лодку и после долгих розысков нашел ее затонувшей между отмелями, далеко от дома. Может, поверит, а если даже не поверит, то все равно они ничего не знают и не узнают.

На прощанье Эмиль обнял деда и поцеловал.

— Скоро я приду сюда с товарищами. Если только немцы осмелятся причинить тебе зло, дедушка, им придется дорого заплатить за это.

Эмиль и краснофлотцы ушли. Тенис медленно двинулся вдоль опушки к поселку. По пути он свернул в дюны и остановился у могилы Вольдемара. Старый рыбак тихо прошептал:

— Ты смог, сынок... Почему же я не смогу?

Возвратившись домой, Тенис закрыл ставни и при свете свечи побрился, помылся, надел чистое белье. Перед тем как улечься, он достал старый альбом и долго разглядывал выцветшие, пожелтевшие фотографии. С каждой из них были связаны далекие воспоминания о прошлом. Перед глазами его прошла вся жизнь: детские игры... мечты и стремления дней юности... беспощадные удары судьбы. Но как бы то ни было — он жил, он что-то обрел и свершил. И после того как его самого, Тениса Урги, не будет на свете, останется борьба, стремление людей к справедливости и свободе, к

лучшей жизни. Молодые совершат то, о чем Тенис думал всю жизнь. И в этом сохранится некой крошечной частицей его труд, его мысли и жизнь. И он приложил руку к общему делу. Стало быть, не даром жил.

...Утром через дюны, по направлению к лачуге Тениса Урги, шли четыре человека — Ледик и трое вооруженных винтовками немцев.

Тенис заметил их и сразу понял, зачем они идут. Подсев к окну, он смотрел поверх идущих на берег, где темнели на песке черные кили вытасщенных на сушу лодок, на море, которое пенилось и волновалось под напором бури.

Вода отливала синеватым и зеленым, как спинка салаки. Против ветра летела чайка — временами ей удавалось прорваться немного вперед, подняться выше, но затем порыв бури швырял ее назад и бросал вниз, прижимая почти к самым гребням волн. Но птица не сдавалась, снова и снова взмывала кверху, размахивала крыльями и устремлялась навстречу ветру.

Белая, прелестная птица, чайка...

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Янис Ниедрс. Вилис Лацис . . . . .</i>	<i>3</i>
<i>Происшествие на море. Перевел А. Уссит . . . . .</i>	<i>5</i>
<i>Сыновья старого Крузе. Перевел А. Уссит . . . . .</i>	<i>16</i>
<i>Опасный рейс. Перевел Э. Сильман . . . . .</i>	<i>65</i>

Редактор Э. Кульманова

Подписано к печати 24/IV 1913 г. А448. Тираж 10 000. 2¹/₂ печ. л.
3,28 уч.-авт. л. Зак. № 2. Цена 2 р. 25 к.

2-я тип. над-ва „Московский большевик“ Москва, Петровка, 17.

2 руб. 25 коп.